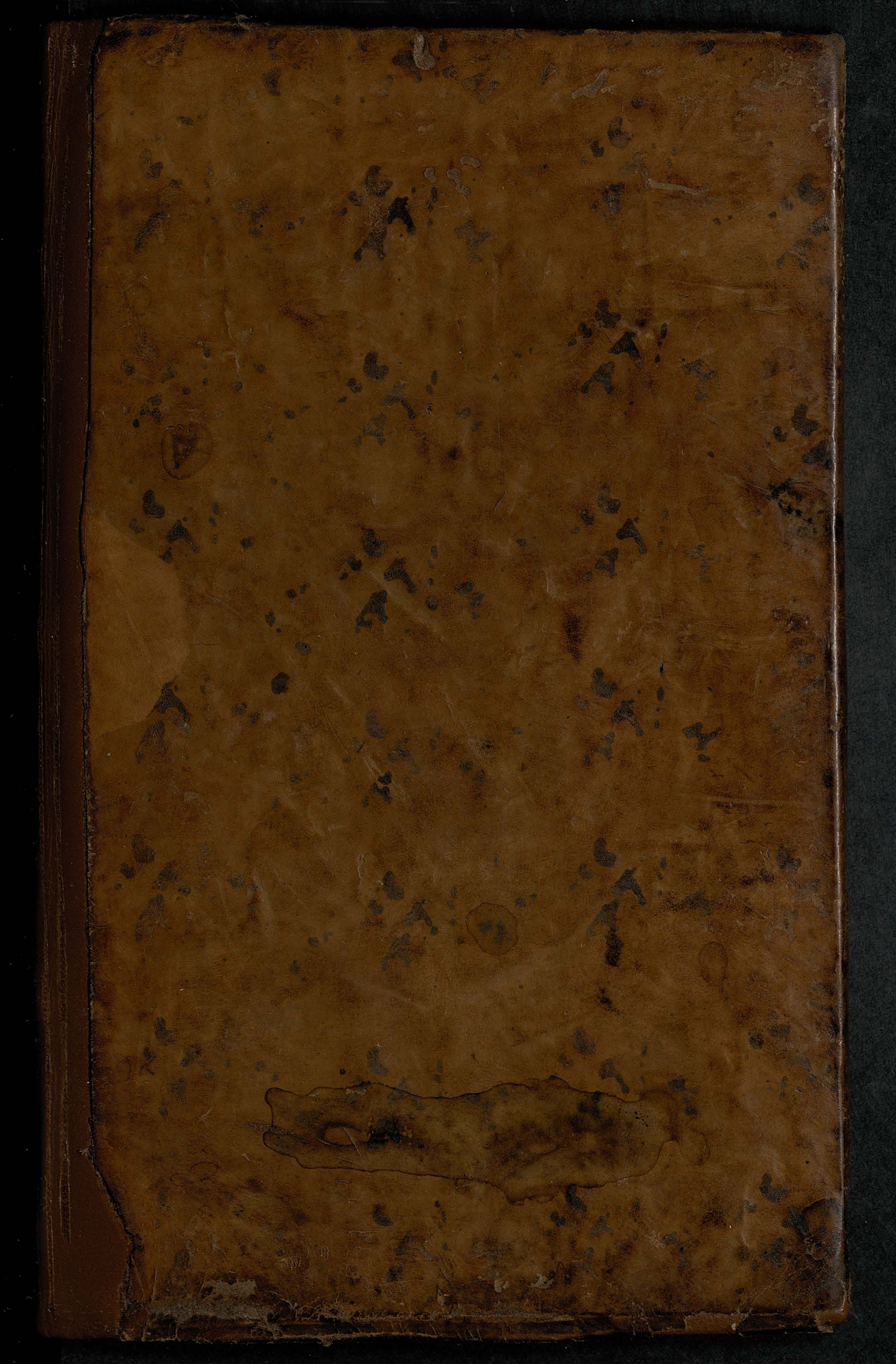
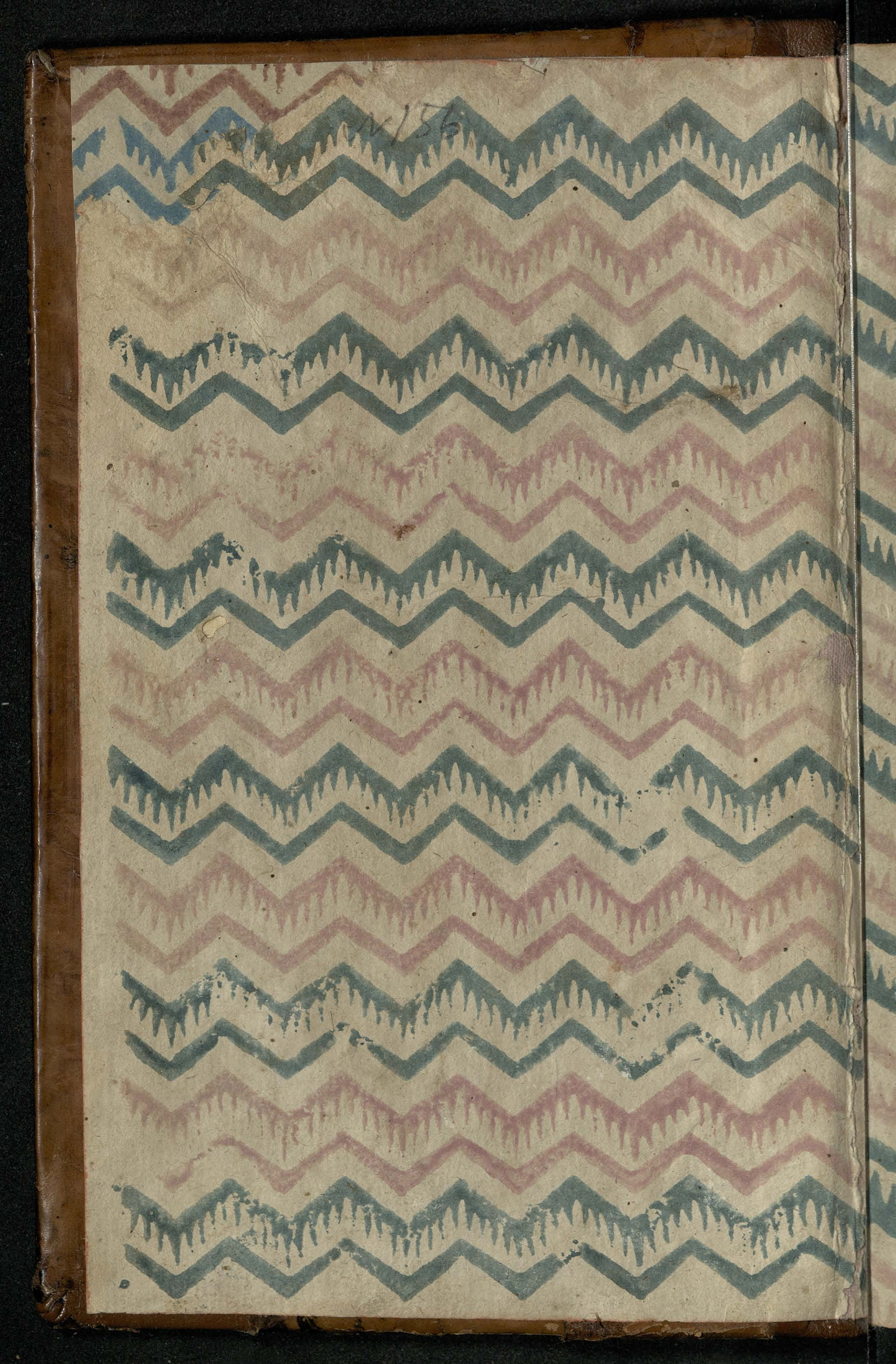
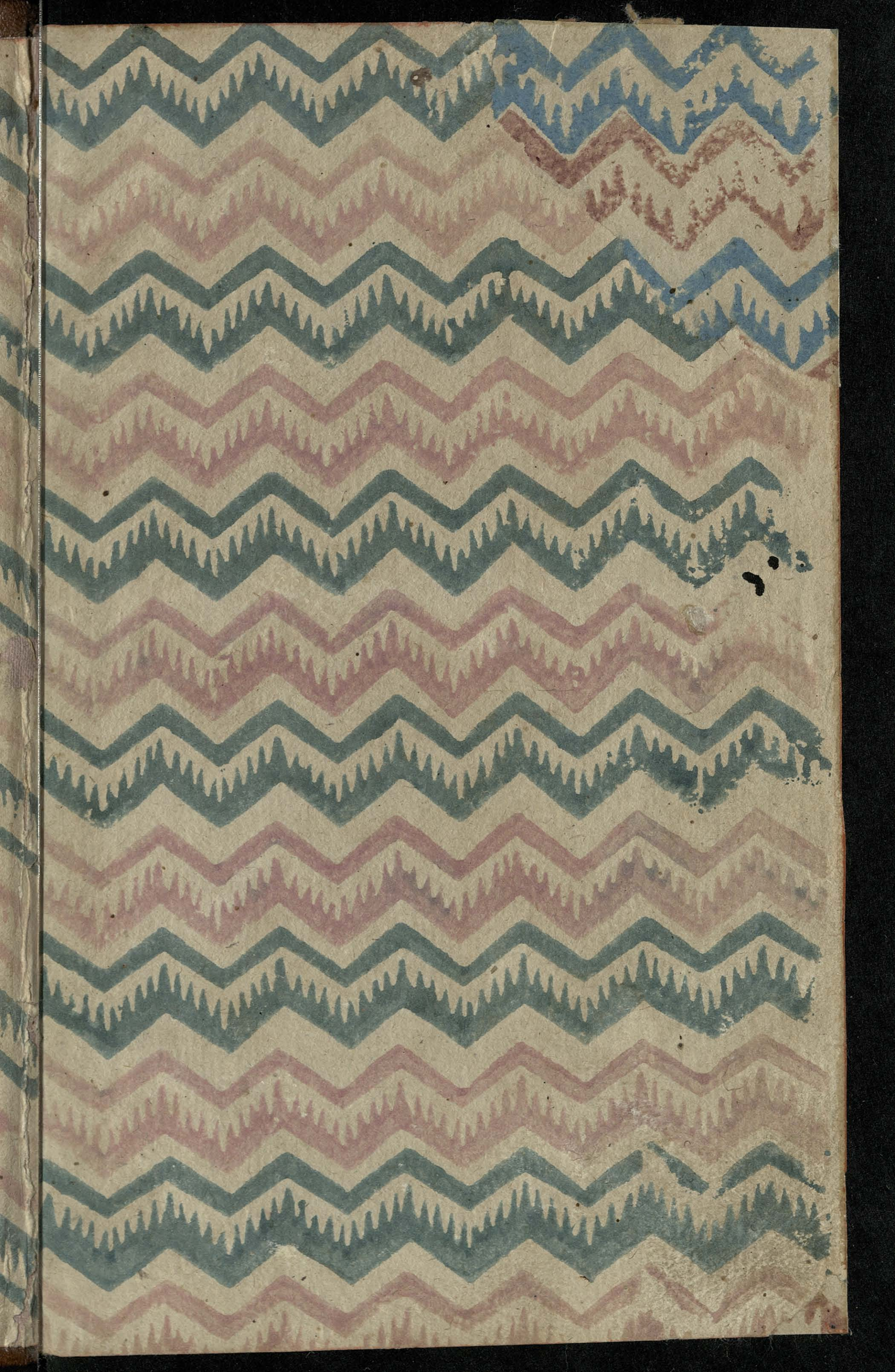

АСПАЗІЯ,

АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Илья Раевской.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА,

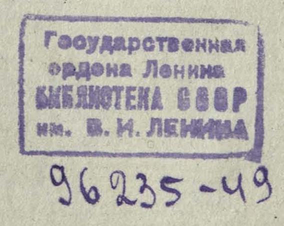
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова,

1792.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Аспазія, Аглинская Повѣсть, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ, Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Кавалеръ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

АСПАЗІЯ.

ГЛАВА I.

Встрѣча.

Одна почтовая коляска проѣзжала прекрасную Евешамскую долину довольно хорошею рысью; однакожъ не такъ скоро, чтобъ видъ одной изъ двухъ женщинъ, которыя въ ней находились, не привлекъ вниманія молодаго человѣка, ѣхавшаго верхомъ по той же дорогѣ.

Довольно престарѣлой человѣкъ, опиравшійся на заступъ, которымъ онъ управлялъ съ трудомъ и дрожащею рукою, увидя подъѣзжающую къ себѣ коляску, бросаетъ заступъ, чтобъ разсмотрѣть ея, и вдругъ восклицаетъ: это она! Молодой человѣкъ съ своей сто-

роны восклицаетъ также: красота и благосклонность царствуютъ, на семъ прекрасномъ лицѣ!... Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, опускается стекло у коляски, и рука столь бѣлая, какъ снѣгъ, подаетъ бѣдному работнику полгвинеи. Сïе подаянïе сопровождается голосомъ исполненнымъ прïятности, которой изъявлялъ желанïе, чтобъ небо благословило его старость. Слезы текутъ изобильно изъ глазъ сего бѣдняка. Онъ ихъ отираетъ полою своего платья, и, поглядя на деньги, которыя получилъ, цѣлуетъ ихъ и вздохнувъ, кладетъ въ свой карманъ; послѣ того молчитъ и задумывается, какъ бы опасаясь, чтобъ по его низкой работѣ, (потому что онъ взрывалъ непаханную землю) не почли его нещастнымъ нищимъ.

Все сïе, что я сказалъ, произошло въ одно мгновенïе ока; но молодой человѣкъ на лошади тѣмъ весьма былъ тронутъ. Есть такïе люди, которыхъ вообраҗенïе объемлетъ и соединяетъ скоро многïе предметы. Таковъ былъ нашъ путешественникъ. Въ одно мгновенïе ока онъ призналъ въ молодой особѣ милостивый и чрезвычайно чувствительный характеръ; однакожъ полгвинеи было

очень

очень довольно для бѣднаго, которому и нѣсколько копѣекъ должны казаться иногда богатствомъ. Благодѣтельница была конечно очень достаточна. Всѣ сіи мысли его колебали; онъ вздохнулъ и пріостановилъ свою лошадь, которая идучи тихимъ шагомъ, казалось соотвѣтствуетъ его чувствованіямъ. Сверхъ воли онъ поворотилъ ея на ту дорогу, по которой проѣзжала коляска и увидѣлъ, что она взъѣзжаетъ на пригорокъ, которой былъ отъ него близко. Онъ стоялъ какъ вкопаной на одномъ мѣстѣ и долго не спускалъ глазъ съ сей коляски, которая удаляясь по малу, наконецъ совершенно скрылась. Тогда онъ еще вздохнулъ и произнесъ съ жаромъ сіе желаніе прекрасной путешественницы, котораго каждое слово отдавалось еще въ его ушахъ и сердцѣ.

Сіе желаніе не могло ли ей быть столько же полезно, какъ и бѣдняку? Она была прелестна: небо долженствовало ей покровительствовать; и какъ ничто не бываетъ мало для чувствительной души: то нашъ путешественникъ ѣхалъ еще по слѣду, которой виденъ былъ на пескѣ, послѣ скрывшейся коляски, какъ

 вдругъ

вдругъ мысль о старикѣ привела его въ самого себя. Возвратясь и смотря на него, примѣтивъ въ его видѣ выраженіе чувствительнѣйшей благодарности, онъ повторилъ его восклицаніе: это она! — Вдругъ радостное движеніе овладѣло его сердцемъ. Поговоримъ, сказалъ онъ, съ симъ человѣкомъ; надобно узнать имя сей благодѣтельной красавицы, встрѣтиться еще съ нею, и можетъ быть сдѣлаться ей полезнымъ. Между тѣмъ какъ удивлялся стремленію своихъ желаній къ той, которой онъ совсѣмъ не зналъ, голова его преклонилась къ груди. Онъ впалъ въ глубокую задумчивость и былъ самъ собою недоволенъ; но пріятная томность, овладѣвшая его душею, приводя его мало по малу къ прелестному предмету, которой видѣлъ, возбудила въ немъ желаніе увидѣть ея опять съ длинными волосами, упадающими по плечамъ въ большихъ локонахъ и скрывающими только часть прекрасной ея шеи. Черное платье, въ которомъ она была тогда одѣта, придавало ей болѣе бѣлизны. Голубые ея глаза, стѣсняемые длинными рѣсницами, выражали столько же скромную, какъ и чувствительную душу. Нашъ путешественъ-

ственникъ занимаясь сею прекрасною незнакомкою, позабылъ о старикѣ; но примѣтя, что онъ оставилъ работу, подъѣхалъ къ нему, съ тѣмъ, чтобъ узнать о той, которая уже занимала его душу.

ГЛАВА II.

Распросъ.

Скажи мнѣ, любезной старичокъ, кто такова эта особа, которая лишь только теперь проѣхала, и которую, какъ кажется, ты знаешь? Нашъ путешественникъ спросилъ пріятнымъ и обязательнымъ голосомъ. Увы! отвѣчалъ старикъ, и слезы вырывались изъ глазъ его: я боюсь не въ послѣдней ли разъ ея видѣлъ; я перешелъ сего дня пять миль, чтобъ имѣть это щастіе; сказавъ сіе, отворотилъ голову, и закрылъ лице своими руками. Сердце молодаго человѣка ужасно было тронуто и онъ сошелъ съ лошади.

Я не могу тебя утѣшить, другъ мой, сказалъ онъ; но раздѣляю съ тобою достойныя чувствованія, которыя дѣлаютъ тебя весьма почтеннымъ въ моихъ глазахъ. Поди сядь на этой ска-

мьѣ, дай мнѣ свою руку: я помогу тебѣ итти. Я требую только, чтобъ ты отвѣчалъ мнѣ на нѣсколько вопросовъ, относительно къ молодой особѣ. Поистиннѣ увѣряю тебя, что не имѣю злаго намѣренія, желая узнать ее. Я столько былъ пораженъ и тронутъ тѣмъ, какъ она говорила съ тобою, что не могу противиться любопытству узнать, кто она такова.

Богъ да благословитъ васъ, отвѣчалъ доброй старикъ, что вы мнѣ подали случай говорить объ ней: я бы не хотѣлъ во всю мою жизнь другаго дѣлать; но дни мои гораздо прежде окончатся, нежели я могу кончить всѣ похвалы, которыхъ она достойна.

Вы конечно чужестранецъ здѣсь, естьли не слыхали ничего объ ней. Молодые, старики, всѣ говорятъ только объ ней и ее благословляютъ. Въ воскресенье минуло двѣ недѣли, и я никогда не позабуду этого, какъ она была въ нашей приходской церквѣ. Тамъ была вся деревня и у каждаго глаза были омочены слезами, потому что мы знали, что она была въ послѣдній разъ; а мы ея всѣ любили. Многіе помнятъ день рожденія отца ея, день его свадьбы и

тотъ,

ждомъ, въ которой любезная Мисъ произошла на свѣтъ. Съ самаго младенчества она подавала намъ знаки великодушія и милости. Ахъ! продолжалъ старикъ, вынимая полгвинеи изъ кармана и удерживая слезы, готовыя течь изъ глазъ его: благородство всегда пребудетъ въ ея сердцѣ. Богъ да благословитъ сіе сердце! Я бы желалъ, чтобъ она подала мнѣ гораздо меньше; но чтобъ никогда не разлучаться съ нею. Надобно мнѣ быть гораздо беднѣе, нежели какъ я въ самомъ дѣлѣ, чтобъ истратить сіи деньги; онъ цѣлуетъ ихъ, испускаетъ глубокой вздохъ и кладетъ ихъ въ карманѣ.

При видѣ сего Симпатическія слезы текли по щекамъ добросердечнаго молодаго человѣка. Старикъ примѣтя то, просилъ прощенія, что его опечалилъ; но я не могъ бы, примолвилъ онъ, удержать своего жару и тогда, когда бы самой сильной Государь на свѣтѣ былъ передо мною. Молодой чужестранецъ усмѣхнулся, не смотря на возбужденную въ немъ чувствительность, и сказалъ ему, что напротивъ того очень благодаренъ за доставленіе столь пріятныхъ чувствованій, какихъ онъ еще никогда

не ощущалъ. Онъ просилъ его продолжать, увѣряя, что принимаетъ великое участїе въ его повѣствованiи.

ГЛАВА III.

Продолженїе предыдущаго.

Я сказалъ, что многїе изъ насъ знали ея семейство издавна, изъ числа сихъ и я. Нѣкогда я былъ служителемъ въ ихъ замкѣ; старшая дочь моя была кормилицею добраго нашего господина; а моя внука имѣла щастїе кормить то нѣжное творенїе, о которомъ вы освѣдомляетесь; и такъ, естьли бы не было слишкомъ дерзновенно для такого бѣднаго человѣка, каковъ я: то я бы могъ сказать, что она составляетъ часть меня самого. . . Сказавъ сїе, онъ устыдился своего предубѣжденїя, и блѣдной румянецъ показался на впалыхъ его щекахъ; хотя очень при томъ было примѣтно, что онъ восхищался сею мыслїю. Это дѣлаетъ тебѣ честь, вскричалъ чужестранецъ. Старикъ притворился, будто не слышитъ и между тѣмъ продолжаетъ.

Какая радость была во всемъ замкѣ, какъ господинъ нашъ произошелъ на свѣтъ! Половина округи нашей завидовала щастію моей дочери, выбранной для него кормилицею. Какая это была прекрасная куколка! Молодая Лади есть живое изображеніе его вида и разума. Бѣдной господинъ! Но я не долженъ такъ много разсказывать: мнѣ остается еще много труда, чтобъ возвратиться домой. Идучи сюда, я ничего не чувствовалъ, потому что надѣялся еще разъ увидѣть любезную мою госпожу, я ея иначе никогда не назову. Тебѣ нѣтъ нужды итти пѣшкомъ, сказалъ молодой чужестранецъ. Садись на мою лошадь: она очень смирна, и между тѣмъ, какъ я ея поведу, ты будешь продолжать разговоръ до самого твоего дому. Ты конечно имѣешь семью, и я очень радъ увидѣть дѣтей столь добраго человѣка. Видъ удивленія былъ вмѣсто всякаго отвѣта отъ старика; примѣтно было, что онъ не могъ говорить, потому что старался собраться съ мыслями. Наконецъ сложивъ руки надъ заступомъ, онъ вскричалъ: О! конечно вы родня имъ? Столько привѣтливости, столько милости, и притомъ къ бѣдному старику! Вы

такъ

такъ похожи на любезную госпожу мою, что можно бы подумать, что вы созданы одинъ для другаго! Дай Богъ, чтобъ это сбылось! вскричалъ чужестранецъ, поднимая съ восхищенiемъ глаза; но тотъ часъ оправившись, сказалъ ему: поди же, другъ мой, конечно жена твоя и дѣти ожидаютъ тебя съ нетерпѣливостiю. Для меня будетъ великое удовольствiе, когда увижу твою хижину и въ ней изображенiе сельскаго твоего благодѣнствiя. Сказавъ сiе, онъ помогъ старику сѣсть на свою лошадь, и ведя ее тихо, просилъ продолжать разсказыванiе.

ГЛАВА IV.

Прогулка верхомъ.

Старой дворянинъ дѣдъ моей молодой госпожи, по которомъ она теперь носитъ трауръ, имѣлъ другаго сына, моложе годомъ отца молодой Лади; но безъ сомнѣнiя никогда не бывало двухъ человѣкъ, столь различныхъ въ разумѣ и характерѣ. Одинъ казалось наслѣдовалъ всѣ добродѣтели, дѣлающiя честь роду человѣческому; а въ другомъ были соединены всѣ естественные недостат-

ки. Нашъ доброй надзиратель сказывалъ правду, говоря объ нихъ. Я его рѣчей никогда не позабуду. Въ самомъ дѣлѣ всѣ дѣйствія ихъ жизни показывали различной источникъ, откуда проистекали они; однакожъ ихъ отецъ будучи къ обоимъ равно милостивъ, воспитывалъ ихъ безъ малѣйшаго различія; и былъ намѣренъ оставить столько младшему, чтобъ онъ могъ жить безъ всякой должности. Онъ не зналъ худаго его нрава, потому что сей умѣлъ притворяться передъ отцомъ своимъ и братомъ; но всѣ служители и даже послѣдней работникъ испытали худое его сердце.

Генрихъ такимъ образомъ былъ любимъ и почитаемъ всѣми, а Ричарда всѣ тайно ненавидѣли и боялись. Послѣдней надзиратель, будучи прежде товарищемъ въ училищѣ стараго барина, былъ опредѣленъ къ ихъ воспитанію, и отправлялъ сіе до того времени, какъ ихъ послали въ Оксфортъ. Пробывъ два года въ семъ городѣ, поѣхали они путешествовать въ чужіе краи. Въ сіе время открылись наипаче природныя ихъ склонности. Генрихъ оставлялъ по себѣ знаки добродушія и дѣлалъ всякому по возможности

добро.

добро. Напротивъ того его братъ употреблялъ вездѣ наглость и несправедливость. Во время ихъ отсутствія умеръ нашъ Министръ. У него была одна дочь и при кончинѣ своей онъ сдѣлалъ честнаго Гамбури ея опекуномъ. Его жена, такъ какъ и онъ любили ея прежде, какъ свою дочь. Они взяли ее въ домъ свой, и ласками своими старались утолить печаль ея о потерѣ добродушнаго ея отца. Можно сказать, что вся округа объ немъ печалилась.

Мисъ Элвудъ была шестнатцати лѣтъ, какъ возвратились наши молодые господа. Радость всего дома была несказанна, и господинъ Гамбури на сей случай пригласилъ къ себѣ всѣхъ своихъ друзей и сосѣдей. Вся деревня участвовала въ празднествѣ и пляскѣ, и каждой поселянинъ не менѣе былъ доволенъ, какъ ежелибъ ему дали цѣлую гвинею.

Генрихъ и Ричардъ едва узнали Мисъ Элвудъ, какъ въ нее влюбились и это не удивительно, потому что выключая молодую нашу госпожу, я не видывалъ никогда такой красавицы. Ричардъ хотя и младшей братъ, думалъ, что онъ выгоднѣе могъ жениться, нежели

жели на МисЪ ЕлвудЪ, которая была не богата; и потому рѣшился тотчасЪ обмануть ея и прикрывать однакожЪ свое виновное намѣренiе притворнымЪ почтенiемЪ.

Молодая дѣвица была столь добродѣтельна и простодушна, что ея легко бы обмануть можно было, естьли бы ея сердце не было защищаемо любовiю, которую она питала уже кЪ брату Ричардову. Сей примѣтивЪ, какую нѣжность имѣлЪ его отецЪ кЪ МисЪ ЕлвудЪ, разсудилЪ за лучшее объявить ему страсть свою. Между тѣмЪ, какЪ онЪ размышлялЪ о способахЪ кЪ тому, РичардЪ не пропускалЪ ни одного случая, говорить о своей любви молодой МисЪ. Ея отказы, презрѣнiе и угрозы увѣдомить его отца о несносномЪ его поступкѣ, ничего не подѣйствовали. ОнЪ клялся или получить ея, или погибнуть вЪ своемЪ предпрiятiи.

Между тѣмЪ ГенрихЪ объявилЪ страсть свою отцу, и чрезЪ то прекратилЪ Ричардовы угрозы. Добродушный Гамбури согласился охотно на бракЪ, долженствующiй составить щастiе его сыну; а РичардЪ будучи способенЪ притворяться, хотѣлЪ выслужиться тѣмЪ передЪ

передъ своимъ братомъ, что увѣрялъ его, съ какимъ удовольствіемъ жертвовалъ ему всею своею надеждою. Мисъ Елвудъ, обманутая сею мнимою тихостію, и принявъ ее за знакъ раскаянія, рѣшилась не говорить никогда о тѣхъ вредныхъ чувствованіяхъ, которыя онъ изъявлялъ ей.

Радость и удовольствіе царствовали тогда въ замкѣ Гамбури, и я имѣлъ щастіе быть того свидѣтелемъ, работая въ то время въ саду.

ГЛАВА V.

Остановка въ дорогѣ.

Вотъ онъ, вотъ замокъ Гамбури! вскричалъ старикъ, останавливая лошадь, и указывая рукою на холмъ, окруженной прекрасною рощею, изъ за которой видны были башни огромнаго зданія въ Готическомъ вкусѣ, освѣщеннаго въ сіе время лучами заходящаго солнца. Никогда глаза мои не обращались къ сему замку, чтобъ сердце не проливало теплыхъ молитвъ о здравіи добрыхъ его владѣтелей. Увы! прибавилъ онъ, мнѣ долго не видать ихъ. Сколько ду-

маю воздыхала моя госпожа, оставя сей прекрасной замокъ, рощи и сіи воды, которыя теперь во всей красотѣ. Такъ, ей должно было любить богатство, потому что чрезъ него дѣлала она другихъ щастливыми. Сколько она должна чувствовать потерю толь великаго богатства, и то, какимъ образомъ его лишилась! Нашъ путешественникъ хотѣлъ бы тотчасъ узнать о томъ; но зная, сколь трудно было прекратить говорливость старика, оставилъ его разсказывать по своему: онъ довольно былъ занятъ и тѣмъ, что уже слышалъ. Наконецъ послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній доброй старикъ началъ продолжать свою повѣсть, будучи все на одномъ мѣстѣ, и смотря на замокъ, между тѣмъ какъ чужестранецъ облокотясь на шею своей лошади, устрѣмилъ взоръ свой на лица сего почтеннаго Оратора.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ свадьбы, благополучіе сего семейства гораздо умножилось, когда узнали, что госпожа Гамбури была беременна. Я увѣренъ и могу сказать, что весь уѣздъ былъ обрадованъ сею пріятною новостію; но ихъ щастіе скоро должно было прекратиться отъ самаго безчестнаго человѣка.

То былъ безчеловѣчный Ричардъ, которому помогалъ одинъ изъ его служителей, только не изъ нашей деревни: потому что я не думаю, чтобъ былъ между нами такой дурной человѣкъ; а впрочемъ можетъ быть и тотъ не зналъ постыдныхъ намѣреній своего господина. Ну, такъ я вамъ скажу, что этотъ злой Ричардъ и его слуга ввели ночью двухъ охотничьихъ Генриховыхъ лошадей въ садъ подъ окошко, и, принудя ихъ бичемъ, перескочить чрезъ рѣшетки, такъ напугали ихъ, что они поскакали сквозь любимую рощицу госпожи Гамбури. Его намѣреніе было то, чтобъ встревожить своего брата. Онъ въ томъ успѣлъ: потому что братъ его, какъ и всѣ слуги, вскочивъ поспѣшно, побѣжали выгнать лошадей изъ саду. Тогда притворился Ричардъ, что будто принимаетъ участіе въ ихъ стараніи, но, что холодъ его безпокоитъ. Братъ его будучи по обыкновенію всегда добродушенъ, совѣтовалъ ему поскорѣе лечь. Сей извергъ не заставилъ себя долго просить. Онъ пошелъ вверхъ, но очутился въ покоѣ своей невѣстки. Она уже не спала съ того времени, какъ пошелъ въ садъ ея мужъ и потому не обезпокоилась, услышавъ,

шавъ, что кто-то идетъ, и, думая, что это былъ ея мужъ, спрашиваетъ: поймали ли лошадей. Онъ ничего не отвѣчаетъ и подходитъ къ камину, въ которомъ горѣла лампада. По щастію для нея, часть занавѣса къ окошку была открыта, такъ что, какъ онъ тушилъ лампаду: то сія столько его освѣтила, что она могла признать Ричарда. Тотчасъ вскочивъ съ постели, бросилась она въ кабинетъ, которой былъ противъ самой постели и заперла за собою двери. Онъ не могъ тому воспрепятствовать, потому что въ горницѣ было темно и не видно, какъ она побѣжала. Она продолжала кричать и требовать помощи; но ея женщины хотя и слышали, однакожъ не осмѣлились войти, думая, что то были воры; а старая Лади и ея супругъ, которые жили въ другомъ флигелѣ, ничего не слыхали. Ричардъ приблизившись къ кабинету, просилъ усильно невѣстку отворить ему на минуту; но устрашась непрестаннаго ея крика, разсудилъ за лучшее удалиться въ свою горницу. Наконецъ ободрившись женщины ея, вошли туда, такъ какъ и Генрихъ пришелъ изъ саду.

Въ сіе время солнце начало освѣщать маленькой кабинетъ, которой я совершенно знаю, такъ какъ и всѣ уголки въ домѣ; но ежели вамъ угодно, сударь, сказалъ онъ чужестранцу, станемъ продолжать путь свой. Я боюсь, чтобъ жена и дѣти мои не обезпокоились тѣмъ, что долго меня не видятъ. Вѣть я не сказалъ имъ, куда пошелъ; только не желая потерять дня, я просилъ бѣднаго моего сосѣда вмѣсто себя позволить мнѣ поправлять эту дорогу. Сказавъ сіе, онъ стегнулъ лошадь и поѣхалъ небольшою рысью.

ГЛАВА VI.

Продолженіе пути.

Какъ скоро только послышанъ былъ пріятной и любезной голосъ Генриха, то его супруга отворила тотчасъ двери кабинета, и бросившись въ его объятія, упала въ обморокъ. Долгое время не могли привести ея въ чуство, а какъ она опомнилась: то сильныя судорги возвѣстила преждевременныя роды. Состояніе, въ которомъ она находилась, заставило даже трепетать о ея жизни.

Весь

Весь домъ былъ въ замѣшательствѣ; нѣтъ сомнѣнія, чтобъ злополучной виновникъ такихъ горестей не надѣялся, что тайна его будетъ скрыта чрезъ скорую смерть госпожи Гамбури. Онъ изъявлялъ весьма великую печаль о ея опасности; а сіе приписывали его нѣжности къ брату и невѣсткѣ; но какъ скоро молодая Милади пришла въ состояніе говорить, то объявила своему свекру и свекровѣ все то что произошло между Ричардомъ и ею какъ до замужства, такъ и въ сію ужасную ночь, въ которую онъ едва было не лишилъ ея жизни. Старой Дворянинъ при семъ разсказываніи пришелъ въ толь великое бѣшенство, что хотѣлъ убить Ричарда своею рукою; но какъ жена его наконецъ его успокоила, то написалъ только къ нему цыдулку, чтобъ онъ тотчасъ выѣхалъ изъ замка, и никогда въ него не возвращался; что будучи не въ состояніи болѣе признавать его за сына, онъ не хотѣлъ ни видѣть его, ниже слышать, чтобъ произносили предъ нимъ его имя; что все то, что онъ для него могъ сдѣлать, былъ приложенной при семъ билетъ на пять тысячь ливровъ, которые могъ онъ получить отъ его банкира, и что это была послѣд-

няя ему милость. Старая Лади столько была опечалена симъ приключенїемъ, что въ короткое время сокрушенїе вогнало ея во гробъ; да и съ молодой госпожею Гамбури то же послѣдовало бы, естьли бы она не была крѣпкаго сложенїя. И такъ пострадала невинная, между тѣмъ какъ жестокосердой былъ спокоенъ, которой при отъѣздѣ ни о чемъ больше не печалился, какъ только о томъ, что не успѣлъ въ своемъ гнусномъ предпрїятїи. Много было потребно времени для возстановленїя тишины и спокойствїя въ замкѣ.

Протекло три года и госпожа Гамбури понесла вновь. Беременность ея была уже велика, какъ она подверглась опять еще большему нещастїю. Въ одинъ день, ахъ! этотъ день никогда не выдетъ изъ моей памяти! никто изъ насъ не можетъ позабыть его; то было въ началѣ лѣта; господинъ Генрихъ всякое утро имѣлъ привычку прогуливаться пѣшкомъ въ окрестностяхъ замка, и возвращался домой къ обѣду; по томъ, уставши отъ движенїя, онъ уходилъ въ учебной свой кабинетъ, бралъ книгу и иногда засыпалъ въ креслахъ. Я примѣчалъ часто, работая въ саду, но въ

этотъ

этотъ день я обработывалъ дынныя гряды, отдаленныя отъ дому; я не могъ вообразить себѣ то, что случилось, какъ увидѣлъ многихъ служителей, которые испугавшись, и, бѣжа, кричали: Господинъ Генрихъ убилъ самъ себя. Ахъ! сударь, я не могъ тому повѣрить! Онъ былъ добродушенъ, любезенъ, скроменъ, набоженъ, щастливъ своей женою, которую обожалъ, и, которая носила ему наслѣдника, не упоминая о всякомъ богатствѣ. О! нѣтъ, говорилъ я, то не можетъ статься, я не вѣрю тому; но увы! это была сущая правда, его нашли мертваго въ кабинетѣ. Призваны были Судьи и послѣ порядочнаго изысканїя, рѣшили, что господинъ Гамбурк убилъ самъ себя. Его нашли лежащаго въ креслахъ; голова висѣла на одну сторону, пуля вошла въ високъ и вышла съ другой стороны сквозь щеку. Пистолетъ былъ его и взятъ съ камина въ его кабинетѣ, гдѣ лежало его оружїе. Передъ нимъ была подушка, на которой лежала развернутая книга; она была нравоучительная и глава, которую онъ по видимому читалъ, была самая Меланхолическая. Окно было раскрыто, но я примѣтилъ, что это всякой день бывало.

Злая вѣдомость разлилась такъ сказать, и госпожа Гамбури узнала тотчасъ о смерти своего супруга. Каждый столько занимался своимъ нещастіемъ, что не думалъ быть остороженъ при разсказываніи того. Нещастная супруга не могла ни какъ повѣрить, чтобъ Генрихъ, ея любезной Генрихъ, какъ она всегда его называла, могъ обличиться въ такомъ поступкѣ. Она вбѣжала въ кабинетъ, бросилась на его тѣло, и, заключивъ съ жаромъ въ свои объятія, вскричала: Отмстите! отмстите смерть наилучшаго человѣка! Одинъ только былъ такой безчестной, которой его ненавидѣлъ, и учинилъ сіе убивство. Не ужели можемъ мы сомнѣваться о томъ? Многіе думали также, какъ и бѣдная Лади; но не было и виду, чтобъ ея деверь былъ въ Англіи; напротивъ того сказано, что онъ женился и поѣхалъ въ Америку; и такъ ничего не можно было знать навѣрное. Сіе однакожъ не помѣшало думать нещастной госпожѣ Гамбури до самого конца своей жизни, что безчестной Ричардъ былъ убійца ея супруга. Печаль низвела ея во гробъ, шесть недѣль спустя по томъ и три дни послѣ рожденія молодой Лади, которую вы видѣли.

Вѣ-

Вѣроятно, что старой Гамбури не пережилъ бы всѣхъ сихъ нещастій безъ трогательнаго препорученія отъ своей невѣстки, которая умирая, заклинала его хранить жизнь и имѣть къ ея дочери ту отеческую любовь, коей многіе знаки она до сего видѣла надъ собою.

Я слышалъ многократно самъ отъ нашего господина, что одно попеченіе о любезной его внукѣ могло сдѣлать ему жизнь сколько нибудь сносною.

Старой Ораторъ былъ въ семъ мѣстѣ своего повѣствованія, какъ показалась его хижина, жилище спокойствія и невинности. Она отличалась чистотою и была окружена тремя, или четырьмя другими, въ которыхъ жили его дѣти и внучата. Какъ скоро они его увидѣли, то нѣкоторые побѣжавъ на встрѣчу, дѣлали ему тысячу вопросовъ о томъ, что онъ такъ запоздалъ. Старикъ отвѣтствовалъ на все весьма пространно, и по томъ представилъ имъ молодаго чужестранца, которой съ обязательнымъ видомъ сѣлъ у воротъ дома и началъ ѣсть хлѣбъ и молоко, ему принесенные. Онъ выпилъ даже чашку за здо-

ровье сего семейства и ужинъ вообще показался ему пріятнѣе всякаго пиршества.

ГЛАВА VII.

Хижина.

Ахъ, батюшка! вскричали въ одинъ голосъ почти всѣ дѣти добродушнаго старика, для чего вы не сказали намъ, что наша любезная молодая госпожа поѣхала сего дня къ Доктору Бернарду? Мы пошлибъ на дорогу, чтобъ увидѣть въ послѣдней разъ нашу благодѣтельницу. Я этого-то и опасался, дѣти мои, отвѣчалъ онъ, и для того васъ обманулъ. Помните ли вы, тому двѣ недѣли назадъ, какъ была печальна сія добродушная госпожа въ церквѣ, когда увидѣла сокрушеніе всей деревни? О! хотя и мое сердце было раздираемо печалію, однакожъ я всячески старался скрыть ее! Помню ли я? вскричала одна внука добраго старика, которая была ея кормилица; мнѣ кажется, что я и теперь еще ея вижу, и тотъ пріятной взоръ, и то движеніе, которое она учинила рукою, прося насъ, чтобъ мы оста-

оставили! Никогда я не позабуду ея нѣжнаго голоса, съ которымъ она сказала: когда я не могу болѣе стараться о вашемъ благополучіи, то небеса будутъ покровительствовать и утѣшать васъ. Ахъ! сударь, продолжала она, оборотясь къ чужестранцу, и, протирая глаза своимъ передникомъ, мы всѣ ея любили, а особливо я, имѣвъ честь быть ея кормилицею. Когда она вышла на погостъ, я не могла воздержаться, чтобъ не стать предъ нею на колѣни и не попросить поцѣловать у нее руку. Любезная моя кормилица, сказала она мнѣ, наклоняясь, обойми свою дочь. Столь великая милость заставила меня пролить источникъ слезъ. Простите меня, сударь, естьли я васъ безпокою, разсказывая все это; мы бѣдные люди имѣемъ признательное сердце. Молодой человѣкъ принужденъ былъ встать, чтобъ скрыть свое движеніе. Когда онъ сѣлъ опять, то старикъ сказалъ: мы начинаемъ, сударь, находить разность въ нашей участи послѣ смерти любезнаго нашего господина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ пріѣхалъ прикащикъ; мы тогда работали и онъ намъ сказалъ, чтобъ мы по приказанію господина сломали

мали свои хижины, потому что онѣ очень близко отъ замка и отнимали весь у него видъ. О! любезная Мисъ Гамбури, мы многова съ нею лишились! Какъ она была довольна, когда бывало приходила прогуливаться въ нашу маленькую долину и около этого чистаго ручейка. Доброй сосѣдъ мой, говаривала она, ты походишь на древнихъ нашихъ Патрїарховъ, будучи окруженъ своими дѣтьми; ты никогда не будешь жаловаться въ сихъ мѣстахъ, и твоя добродѣтель будетъ всегда чтима и уважаема. Любезная Мисъ! вскричала ея кормилица, она думала, что все сїе будетъ нѣкогда принадлежать ей. Теперь намъ должно работать съ утра до вечера, и еще сколько намъ стоитъ труда заплатить ту сумму денегъ, которую отъ насъ требуютъ. О конечно такъ! отвѣчалъ старикъ, а притомъ моя дочь должна оставить и надежду вытти когда нибудь за своего любезнаго Ивана! День свадьбы назначенъ былъ въ день рожденїя нашей госпожи. Но не можно ли купить вашу небольшую землицу, сказалъ чужестранецъ? Спроси другъ мой о томъ у прикащика: скажите ему, что нѣкоторой человѣкъ, желающїй вамъ до-

добра, готовЪ заплатить довольную сумму, чтобЪ достать это небольшое помѣстье. При сихЪ словахЪ каждый изЪ сего семейства сЪ удивленіемЪ смотритЪ другЪ на друга, и вЪ сіежЪ время всѣ порывались изЪявить ему свою благодарность. Но онЪ прекратилЪ изліяніе сердецЪ ихЪ, прося, чтобЪ не тратили времени, которое имЪ весьма потребно кЪ произведенію вЪ дѣйство сего нужнаго для нихЪ дѣла; по томЪ увидѣвЪ, что было поздо, простился сЪ ними; но прежде, нежели онЪ сѣлЪ на лошадь, далЪ старику пять гвиней, и всѣ серебреные деньги, которые онЪ при себѣ имѣлЪ, роздалЪ робятамЪ, увѣряя всѣхЪ, что онЪ назавтра кЪ нимЪ опять пріѣдетЪ и попроситЪ разсказать ему, какимЪ образомЪ МисЪ Гамбури лишилась своего имѣнія.

ОнЪ еще не совсѣмЪ удалился, какЪ престарѣлая хозяйка старикова вскричала: ахЪ! это АнгелЪ былЪ сЪ нами, какЪ онЪ хорошЪ и какЪ пріятно пахЪ его платокЪ, прибавила одна изЪ ея дочерей, когда онЪ вынулЪ его, чтобЪ отерѣть текущія по его щекамЪ слезы! Но кто онЪ таковЪ, спросила старуха? МужЪ ея разсказалЪ ей тогда, какимЪ обра-

образомъ онъ узналъ его и прибавилъ къ тому, что правдиваго молитвамъ всегда внимаетъ небо; мы находимъ въ семъ чужестранцѣ такіяжъ благосклонныя чувствованія, какъ и въ любезной молодой Лади. И такъ возблагодаримъ Всемогущаго за покровительство, намъ низпосылаемое. Сказавъ сіе, онъ всталъ, какъ и вся его семья; и они пошли подкрѣпить сладкимъ сномъ тѣ силы, которыя имъ будутъ нужны для работы рано поутру.

ГЛАВА VIII.

Купля.

Назавтра пріѣхалъ чужестранецъ по своему обѣщанію опять въ маленькой домикъ. Онъ нашелъ тамъ прикащика, которой безъ сомнѣнія былъ побуждаемъ любопытствомъ узнать человѣка, сдѣлавшаго толь великодушныя предложенія. Сей прикащикъ служилъ долгое время въ замкѣ. Онъ пріобрѣлъ добросердечіемъ и честностію отъ всѣхъ жителей уваженіе, и ему-то обыкновенно Мисъ Гамбури поручала раздавать подаяніе. Услышавъ отъ старика о торговлѣ, онъ донесъ

несъ своему господину, котораго зналъ наклонность къ скупости, и которой ему сказалъ, что естьли дадутъ хорошую плату, то онъ охотно уступитъ свое право. Какъ прикащикъ увѣдомилъ о семъ чужестранца, то онъ сказалъ ему, что не намѣренъ обманывать другихъ, да и не хочетъ, ежели можно, чтобъ и его не обманывали, что онъ его проситъ, чтобъ положить настоящую цѣну какъ землѣ, такъ и строенію, и что тогда скоро можно будетъ рѣшить дѣло съ обѣихъ сторонъ. Прикащикъ тотчасъ принялся за работу, и сдѣлавъ справедливую оцѣнку каждой вещи, кончилъ тѣмъ, что списалъ для себя копію, а чужестранцу отдалъ подлинникъ, давъ при томъ обѣщаніе употребить всѣ силы, согласить на сіе немедленно своего господина. Молодой человѣкъ, чувствуя довольно нетерпѣливость, которую ощущали бѣдные жители до заключенія торгу, попросилъ прикащика поговорить особливо, и тутъ объявилъ ему свое имя и состояніе. Признательная семья заключила, что онъ по крайней мѣрѣ Дворянинъ, видя низкой и почтительной поклонъ, которой сдѣлалъ ему прикащикъ. Между тѣмъ не нужно еще,

чтобъ

чтобъ читатель зналъ теперь, кто былъ сей молодой человѣкъ, со временемъ онъ съ нимъ познакомится; видно только, что онъ честной человѣкъ, потому что почелъ за лучшее употребить деньги на утѣшенїе старости и бѣдности, нежели на расточенїе въ игрѣ, или при конскомъ рыстанїи; и такъ двояко разумѣть можно поклонъ прикащика, которой будучи чувствительной и честной человѣкъ, можетъ быть хотѣлъ засвидѣтельствовать почтенїе чужестранцу за его великое снисхожденїе, а не по его званїю. Они разговаривали съ полчаса и молодой человѣкъ въ сїе время узналъ болѣе о домѣ Гамбури, нежели сколько бы могъ узнать въ цѣлой день отъ добраго семейства.

Прикащикъ оставилъ его и пошелъ въ замокъ объявить о куплѣ своему господину. Чужестранецъ въ сїе время разсматривалъ со вниманїемъ внутренность хижины и увидѣлъ планъ земли и строенїя; узнавъ, что сей планъ былъ сдѣланъ рукою Мисъ Гамбури, онъ тотчасъ вынулъ записную книжку, и взявъ карандашъ, списалъ его со всевозможною исправностїю. Сїе небольшое помѣ-

мѣстье сдѣлалось неоцѣненнымъ въ его глазахъ; потому что оно принадлежало той особѣ, которая сдѣлала живѣйшее впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ спросилъ старика, у неголь тѣ полгвинеи, которыя пожаловала ему молодая госпожа. О! безъ сомнѣнія, вскричалъ онъ; вы конечно имѣть ихъ хотите. Чужестранецъ удивился, что онъ угадалъ; онъ не думалъ, чтобъ такой человѣкъ могъ читать въ его сердцѣ; но природа учитъ всѣхъ своихъ дѣтей, и самыя простыя изъ нихъ разумѣютъ еще лучше языкъ ея.

Подумавъ нѣсколько, онъ признался, что весьма желаетъ ее имѣть, и вынувъ банковой билетъ на десять гвиней, принудилъ старика взять вмѣсто полугвинеи. Они разсматривали ея вмѣстѣ, и доброй старикъ увидѣвъ годъ, въ которой она выбита, сказалъ съ веселіемъ: О! это самой тотъ годъ, въ которой родилась любезная молодая госпожа моя. Сіе примѣчаніе учинило то, что и малая монета казалась великой цѣны въ глазахъ чужестранца. Онъ рачительно положилъ ее въ записную книжку, такъ какъ и планъ, которой срисовалъ.

ГЛАВА IX.

Отдыхъ.

Прикащикъ пробывъ нѣсколько времени въ замкѣ за своимъ дѣломъ, возврашился наконецъ съ договоромъ за рукою своею господина, которой немного дѣлалъ затрудненія. Но какъ дѣло сіе не могло быть скоро кончано: то старикъ примѣтивъ по солнцу, что уже было около четырехъ часовъ за полдень, увидѣлъ съ прискорбіемъ свою ошибку и сказалъ достойному своему гостю, что не приготовилъ ничего ему покушать. Молодой человѣкъ увѣрялъ, что онъ не думалъ еще о обѣдѣ, но что однакожъ приметъ охотно и съѣстъ кусокъ хлѣба. Тотчасъ засуетилась вся семья; одна дочь несла свѣжихъ яицъ, между тѣмъ какъ другая рѣзала ломтями ветчину, и клала на сковороду. Обѣдъ поспѣлъ скоро и поставленъ на чистой деревянной столъ, накрытой весьма бѣлою скатертью. Нашъ путешественникъ ѣлъ съ хорошимъ аппетитомъ и выпилъ кружку пива, которое показалось ему очень очень хорошо.

Послѣ обѣда онъ спѣшилъ окончить свои дѣла съ господиномъ Томкинсомъ

и просилъ его принять смотрѣніе за новымъ своимъ помѣстьемъ. Я думаю, сказалъ сей, что мнѣ скоро не останется дѣлать что либо другое: потому что я не хочу остаться въ замкѣ, чтобъ не быть принуждену отягощать не щастныхъ. Какое наказаніе было для меня, когда я пріѣхалъ сюда, чтобъ принуждать честнаго Гринвуда платить деньги, не смотря на то, что дурная погода, или болѣзнь, могли его привести не въ состояніе то сдѣлать! Нѣтъ! нѣтъ господинъ Ричардъ Гамбури пусть ищетъ себѣ другаго прикащика. Веніаминъ Томкинсъ служилъ безъ платы его предшественникамъ; но я не хочу служить ему, хотя бы онъ давалъ мнѣ половину своего имѣнія.

Чужестранецъ съ свойственною ему пріятностію и благосклонностію успѣлъ успокоить его, представляя, что то было бы самое большее нещастіе для подчиненныхъ господина Гамбури, когда онъ оставитъ замокъ: потому что они будутъ подвержены тогда всей строгости своего господина, вмѣсто того, что онъ, находясь тутъ, облегчаетъ ихъ жребій. Честной прикащикъ былъ тронутъ симъ разсужденіемъ, потому что онъ

могъ быть полезенъ нещастнымъ жителямъ. Всѣ собрались изъ хижинъ, чтобъ возблагодарить вмѣстѣ молодаго чужестранца, которой, садясь на лошадь, сказалъ имъ, что семь лѣтъ не потребуетъ отъ нихъ оброка, и дабы они въ сїе время старались поправить свое состоянїе. Пожелавъ имъ всякаго добра, онъ поѣхалъ въ препровожденїи господина Томкинса, которой дорогою разсказывалъ ему о фамилїи Гамбури. Они прїѣхали наконецъ къ старому строенїю, котораго видъ весьма занималъ нашего путешественника, потому что то было жилище Мисъ Гамбури, которую мы чаще будемъ называть Аспазїею. Безпрестанныя похвалы, дѣлаемыя Томкинсомъ сей прекрасной Мисъ, умножили живое впечатлѣнїе, имъ полученное. Но мы должны обратиться съ читателемъ къ тому времени, въ которое умерла госпожа Гамбури. Чужестранецъ простится пока съ господиномъ Томкинсомъ, и убѣжденный болѣе прежняго, что Аспазїя есть жертва безчестнаго заговора, поѣдетъ, рѣшившись употребить всѣ силы для открытїя онаго. Кажется, что такое намѣренїе походитъ на древнее рыцарство; но нашего чужестранца легко извинить

можно

можно, естьлибъ читателю было извѣстно его положенїе. Онъ даже и самъ дѣлалъ такїя разсужденія, но наконецъ сказалъ съ внутреннимъ удовольствїемъ: окажется послѣ, что я безкорыстенъ въ моихъ видахъ, жертвуя сей любезной нещастной.

ГЛАВА X.

Новое предпрїятїе.

Нужда познакомить читателя съ Ричардомъ Гамбури, заставляетъ обратиться къ тому времени, въ которое онъ, какъ казалось, пожертвовалъ брату своему всѣми видами, къ Мисъ Елвудъ клонящимися; но въ сїе самое время поселилъ онъ въ себѣ вѣчную ненависть какъ къ брату своему, такъ и отцу. Совершенное сопряженїе четы не только не внушало въ него братскихъ чувствованїй, но еще умножило жаръ, которымъ онъ сгоралъ. Онъ не могъ быть свидѣтелемъ ихъ любви и нѣжныхъ ласкъ, не чувствуя бѣшенства, котораго преодолѣть при злобѣ сердца своего былъ не въ состоянїи. Когда невѣстка его сдѣлалась беременна, то

вздумалъ онъ, что теперь-то лучшее время произвесть безчестное свое предпріятіе, въ той надеждѣ, что попеченіе о младенцѣ обяжетъ ее скрыть стыдъ свой. Мы видѣли, какъ онъ обманулся въ своемъ ожиданіи, и какимъ чудомъ спаслась добродѣтельная госпожа Гамбури. Будучи изгнанъ изъ замка, онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, отчаяваясь, что такъ худо успѣлъ; но надѣясь, что отецъ его будетъ наблюдать глубокое молчаніе, онъ старался утѣшить себя, и въ разсѣянности мыслей позабыть предметъ любви своей. Первое его стараніе было сходить къ банкиру отца своего, чтобъ получить отъ него пять тысячь фунтовъ стерлинговъ. Онъ получилъ ихъ честно, и потому заключилъ, что отецъ не написалъ объ немъ ничего. Сіе успокоило его, и какъ онъ съ однимъ только банкиромъ былъ знакомъ въ Лондонѣ, то не думалъ болѣе ни о чемъ, какъ только, чтобъ вести жизнь разсѣянную. Его фамилія была извѣстна и въ уваженіи, а какъ онъ пріятенъ былъ собой, то нетрудно ему было войти въ лучшіе домы. Искусившись болѣе, нежели кто другой въ наукѣ притворяться, онъ привлекалъ себѣ друж-

бу

бу отъ людей всякаго возраста; а въ своихъ щегольскихъ ухваткахъ съ дамами легко позабылъ Мисъ Елвудъ. Жесточайшая ненависть заступила въ немъ мѣсто любви. Извѣстіе о смерти его матери не причинило ему никакой печали: онъ ненавидѣлъ весь родъ Гамбури, и хотѣлъ бы, чтобъ онъ весь истребился. Между знакомцами своими онъ былъ болѣе привязанъ къ фамиліи Арлингтонъ. Намѣреніе его было жениться на дочери, которая была прекрасна, и чувствовала къ нему уже великую склонность. Она была богатая наслѣдница и сіе было очень нужно въ его положеніи. Наскучивъ впрочемъ распутною жизнію, которую велъ онъ, неудивительно, что почувствовалъ наконецъ сильное желаніе жениться. Братья сей молодой дѣвицы видѣли только въ Ричардѣ любезныя качества, чтожъ касается да нее, то она видѣла въ немъ нѣжнаго любовника, которой изъясняя въ первой разъ страсть свою съ пріятностію и застѣнчивостію, изъявилъ робко свое желаніе владѣть нѣкогда предметомъ оной. Откровенность и простосердечіе Матильды были столько велики, что она не могла скрыть той

любви, которою начинало пылать ея сердце, а особливо предЪ тѣмЪ, которой вЪ ней произвелЪ сію любовь. Она не смѣла однакожЪ открыться отцу своему, которой былЪ умной и разсудительной человѣкЪ, знающій свѣтЪ совершенно. ОнЪ учился сЪ успѣхомЪ законоискусству и надѣялся, что будутЪ нѣкогда говорить обЪ немЪ вЪ Парламентѣ. Часто сЪ жаромЪ осуждалЪ онЪ распутные нравы и безумные поступки молодыхЪ людей, и сЪ сожалѣніемЪ признавался, что на свою долю много также надѣлалЪ дурачествЪ; но благодаря Богу узналЪ прежде свои проступки, нежели растроилось его сердце, имѣніе и здоровье. Жена его была еще хороша; она была выдана шестнатцати лѣтЪ отЪ своихЪ родителей, которые думали утвердить чрезЪ то ея щастіе, что выдали за честнаго и праводушнаго человѣка, хотя онЪ и вдвое почти былЪ ея старѣе. Они жили многіе годы согласно. Госпожа АрлингтонЪ не показывала вЪ сіе время ни пороковЪ ни добродѣтелей; склонности ея ожидали случая развернуться и припадки, которымЪ подвергся ея мужЪ, скоро сдѣлали ея щеголихою. РичардЪ не зналЪ ея поведенія,

нія; но не могъ обмануть ея, судя по огню, которой блисталъ въ глазахъ ея. Безошибочно сказать можно, что души имѣютъ нѣкоторой родъ сходства, или согласія, сближающаго ихъ между собою. Ричардъ очень видѣлъ сходство между госпожею Арлингтонъ и собою, но сіе учинило его еще болѣе осторожнымъ. Онъ боялся быть примѣченъ, тѣмъ больше, что сія дама, какъ казалось, очень упреждала его во всемъ. Въ семъ положеніи находился онъ, какъ вся фамилія пригласила его поѣхать съ собою въ одну маетность, лежащую въ сѣверной части Англіи. Время было свободное, и хотя онъ занимался ученіемъ законоискусства, однакожъ не могъ представить довольной причины, чтобъ отъ того отказаться. А притомъ одна минута размышленія показала ему, что онъ много могъ получить пользы отъ пребыванія своего въ деревнѣ. Онъ такъ былъ опытенъ въ искусствѣ притворства, что обманывать цѣлую фамилію, было для него не иное что, какъ игрушка. Съ молодымъ Арлингтономъ онъ ходилъ на охоту, говорилъ о политикѣ и нравоученіи съ отцомъ, воздыхалъ и пожималъ тайно руку у дочери. Что

 ка-

касается до матери, то онъ обходился съ нею почтительно предъ всѣми; но наединѣ не оставлялъ изъявлять соболѣзнованія, что такая прелестная дама досталась пожилому и дряхлому человѣку. Между тѣмъ главное его намѣреніе было жениться на дочери; но чтобъ получить на то согласіе отъ отца, надлежало войти въ объясненія, которыя вмигъ довели бы его до того, что изгнанъ бы былъ не только изъ сего дома, но изъ многихъ бы и другихъ, какъ скоро бы только его узнали. Обмануть ея, казалось ему удобно, потому что она была невинна и проста; но какъ сіе средство мало обѣщало ему удовольствія, то онъ видѣлъ только опасность, которой подвергался. Впрочемъ по его мнѣнію одна стоила другой. Онъ оставилъ такимъ образомъ свое намѣреніе, какъ весьма опасное, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, потому что имѣя подлую душу, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго стыда, обманывать тѣхъ людей, которые поступали съ нимъ весьма откровенно и дружески. Но братья были храбры и любили честь свою; и вотъ что препятствовало ему исполнить свое намѣреніе.

Де-

Деревенская вольность часто подавала ему случай видаться съ госпожею Арлингтонъ безъ свидѣтелей. Онъ не могъ сомнѣваться о ея къ нему привязанности, потому что она ни мало не старалась отъ него скрывать того. Нечувствительно она поселила въ себѣ пламень, подобной его; и какъ ничто ихъ не удерживало, предались они всѣмъ своимъ желаніямъ. Не трудно было имъ скрывать свою тайну, потому что одно удовольствіе было причиною ихъ связи; и хотя свиданія между ими были часты, однакожъ они такъ осторожно поступали, что никто не могъ взять подозрѣнія. Поступки Ричардовы были всегда одинаковы, съ тою только отмѣною, что онъ еще болѣе употреблялъ вниманія къ Мисъ Арлингтонъ, и сіе весьма одобряла мать ея, въ томъ мнѣніи, что онъ притворялся такимъ образомъ, чтобъ скрыть къ ней свою привязанность.

ГЛАВА XI.

Обманутая невинность.

Матильда Арлингтонъ, будучи обманута видами страсти, которая, казалось, столь-

столько же горяча, какъ и искренна, желала только одного. Сїе желанїе состояло въ томъ, чтобъ господинъ Гамбури пользовался дружествомъ всей ея фамилїи. Для полученїя согласїя на ихъ бракъ, какъ то онъ часто клялся, что отъ того зависѣло его благополучїе. Для чегожъ онъ хранилъ молчанїе? Для чегожъ не открывалъ своего сердца господину Арлингтону, которой оказывалъ ему величайшее уваженїе; ея матери, которая его принимала съ нѣжнымъ дружествомъ, и не полагала никакого различїя между имъ и своими сыновьями? Какаяжъ бы тому была причина? Развѣ не таковы были его обстоятельства, какъ онъ сказывалъ объ нихъ? Онъ долженъ быть богатъ; когда онъ богатъ, такъ, чтожъ его удерживало? Она терялась въ своихъ размышленїяхъ и имѣла въ комъ нибудь нужду, кому бы открыть жалкое свое положенїе; потому что хотя она и любила Гамбури болѣе всего на свѣтѣ, но природная боязливость препятствовала ей съ нимъ изъясниться; а братья ея, казалось, не примѣчали взаимной ихъ склонности и потому она не могла имъ открыться.

И такъ она молчала, задумывалась и печалилась, когда разлучалась съ любез-

безнымЪ своимЪ РичардомЪ, но была спокойна и щастлива вЪ его присутствіи. Его видѣть и слышать, составляло для нея все на свѣтѣ. Она думала вЪ сіи минуты, что онЪ ожидалЪ только благополучнаго случая получить ея руку отЪ родителей; но часы и дни протекали, а ея положеніе не перемѣнялось. Госпожа АрлингтонЪ, не будучи способна кЪ какимЪ либо нѣжнымЪ чувствованіямЪ кЪ своей дочери, мало безпокоилась, что поступки Ричардовы возбуждали вЪ ея сердцѣ безнадежную любовь. Для нее довольно было, чтобЪ дочь ея любила, дабы тѣмЪ лучше скрыть ей свою страсть.

ОднакожЪ одно обстоятельство привело ея вЪ страхЪ. Она примѣтила, что носила несомнѣнные знаки виновнаго своего обхожденія. Она открыла сіе Ричарду, которой сдѣлался для нее чрезЪ то еще дороже. ОнЪ хотѣлЪ ея увѣдомить о средствахЪ, какЪ истребить сіе свидѣтельство ея стыда; но сколь она ни была порочна, отказалась однакожЪ употребить ихЪ, увѣряя, что до какой бы крайности ни дошла, никогда кЪ тому не приступитЪ.

Какъ свободное для него время приходило къ концу, то онъ принужденъ былъ распроститься съ сею фамиліею, чтобъ начать снова свое ученье. Онъ увѣрилъ при семъ случаѣ Матильду, что говорилъ съ господиномъ Арлингтономъ, и что сей благосклонно принялъ его предложеніе; но требовалъ только нѣсколько обождать, въ томъ мнѣніи, что не можно заключить супружества прежде окончанія ученья, и не утвердя своего состоянія. Бѣдная Матильда была довольна симъ увѣреніемъ, и расталась не такъ прискорбно съ своимъ любовникомъ: потому что послѣ согласія отца своего могла щитать его такимъ человѣкомъ, которой будетъ ея супругомъ. Она осталась въ деревнѣ, такъ какъ и вся фамилія, до конца года. Тогда вознамѣрились они возвратиться въ городъ, и нѣжная Матильда съ восхищеніемъ помышляла, что скоро увидитъ любезнаго своего Ричарда, и что его посѣщенія будутъ часты; потому что батюшка обѣщалъ соединить ихъ. Правда, что она не могла еще показать ему всей своей нѣжности; но ей позволено было любить его образъ, и хранить его въ своемъ сердцѣ; наконецъ самая надежда не

была

была ей запрещена. Что я говорю? надежда? Она была совершенно увѣрена, что ея любитъ, обожаетъ самой любезнѣйшій изъ смертныхъ.

ГЛАВА XII.

Порокъ торжествуетъ.

Нѣсколько недѣль спустя по возвращеніи фамиліи Арлингтонъ въ городъ, отецъ сдѣлался боленъ. Матильда, любивши нѣжно виновника дней своихъ, не отходила отъ его постели. Госпожа Арлингтонъ была повидимому также очень рачительна; но его болѣзнь, казалось, не тяжела: онъ не имѣлъ только позыву къ пищѣ и почти безпрестанно спалъ. Онъ не любилъ Докторовъ и не велѣлъ звать ихъ; жена не принуждала его. Что касается до Матильды, то ея незнаніе препятствовало видѣть опасность состоянія отца своего; и потому она довольствовалась только оказывать ему нѣжнѣйшія услуги. По прошествіи двухъ недѣль болѣзнь чувствительно умножилась; тогда она просила его, такъ какъ и мать, послать за Докторомъ. Онъ согласился позвать его назавтра, естьли

не

не будетъ лучше. Но увы! бѣдной человѣкъ не увидѣлъ завтрашняго дни, потому что умеръ ночью, оставя неутѣшную вдову, которая, не смотря на свои слезы и вопль, довольно сохраняла крѣпости, чтобъ смотрѣть за всѣмъ и не опустить своихъ выгодъ. Она велѣла обьявить о семъ приключенiи своей дочери, которая впала отъ того въ жестокую и искреннюю печаль. Мать употребила всѣ свои старанiя поспѣшить похоронами; и когда уже Жанъ Арлингтонъ былъ положенъ въ гробъ отцовъ своихъ, прибыли сыновья изъ Оксфорда. Они изъявили живѣйшую печаль о столь плачевномъ для нихъ приключенiи, и, видя что мать, какъ казалось, столько же сокрушалась, они употребили все, чтобъ ея утѣшить, такъ какъ и сестру свою Матильду. По распечатанiи завѣщанiя, нашли, что старшей сынъ былъ назначенъ наслѣдникомъ, а меньшей имѣлъ на свою долю десять тысячь фунтовъ стерлинговъ и увѣренiе въ половинѣ приданаго его матери. Мисъ Арлингтонъ должна была получить на мѣстѣ пять тысячь фунтовъ стерлинговъ, да столько же по смерти своей матери, не щитая что ей досталось прежде по наслѣдству.

Сiя

Сія вдова увидя себя принужденною ѣхать въ Лондонъ, чтобъ привести въ порядокъ свои дѣла, увѣряла дѣтей своихъ, что она не долго тамъ пробудетъ, и для того оставляетъ ихъ въ деревнѣ, куда она немедленно возвратится, потому что они ей были милѣе всего на свѣтѣ. Передъ отъѣздомъ своимъ получила она письмо отъ Ричарда, которой, принимая участіе въ ея потерѣ, недавно приключившейся, изобразилъ ей всѣ чувствованія нѣжнаго и покорнаго сына, прибавя однакокъ къ тому, что какъ скоро благопристойность ему позволитъ: то онъ бы просилъ ея принять отъ него всѣ ближайшія названія, въ томъ числѣ и названіе щастливаго супруга. Изъясняясь такимъ образомъ, онъ думалъ, что всегда можетъ имѣть въ своей власти дочь, а особливо когда достигнетъ до того, что отлучитъ ея отъ фамиліи. Онъ самъ себя увѣрялъ, что можетъ тогда обходиться съ матерью и дочерью, не налагая на себя скучныхъ цѣпей супружества. Сему доброму предпріятію помѣшала нѣсколько беременность госпожи Арлингтонъ; но по его мнѣнію одна она должна была претерпѣвать всѣ отъ того безпокойства.

Онъ занимался сими помышленіями, какъ госпожа Арлингтонъ пріѣхала въ Лондонъ, и писала къ нему, чтобы онъ немедленно съ нею повидался. Онъ послушался, но не съ такимъ желаніемъ, какъ при первыхъ свиданіяхъ. Она его довольно знала, и потому была увѣрена, что великое богатство могло все изъ него сдѣлать, а ея было довольно знатно, не щитая того, что досталось ей послѣ мужа. Она представила ему всѣ свои выгоды, и сказала, что онъ властенъ раздѣлять ихъ съ нею. Чтожъ касается до ея дочери, то пусть онъ помыслитъ, что ея замужство предполагаемо было только для того, чтобъ лучше прикрыть ихъ образъ жизни, и что она никогда не согласится на то, что столь противно ея щастію. Впрочемъ онъ долженъ помышлять, что она скоро его сдѣлаетъ и отцомъ.

Ричардъ Гамбури, будучи обольщенъ предлагаемымъ богатствомъ, и, опасаясь будущихъ затрудненій, согласился госпожѣ Арлингтонъ дать свою руку. Свадьба была сыграна тайно, и она поѣхала опять въ деревню подъ прежнимъ именемъ. Лишь только она пріѣхала къ своимъ дѣтямъ, то расказала имъ съ обя-

обязательнымЪ видомЪ о снисходительности Ричардовой, которой заботился о ея дѣлахЪ. Она не опустила ни одного случая выхвалить его. Дѣти ея, которыя ни вЪ чемЪ ея не подозрѣвали, а были притомЪ вЪ дружбѣ сЪ РичардомЪ, слушали ее со удовольствїемЪ. ЧтожЪ касается до бѣдной Матильды, то она сердечно радовалась, думая, что ея любовникЪ старался обЪ матери только для того, чтобЪ скорѣе овладѣть ею. ОднакожЪ напослѣдокЪ старшїй АрлингтонЪ, либо отЪ кого освѣдомившись, либо по тому, что ежечасныя похвалы Ричарду, казались ему не у мѣста, изЪявилЪ неудовольствїе своей матери, сказавЪ ей, что вЪ ея положенїяхЪ такїя слова неприличны. Представленїе сїе привело ее вЪ бѣшенство. Она ругала своего сына, которой разгорячась, сказалЪ ей, что старая женщина не должна отдавать столько преимуществЪ молодому человѣку. Ссора произошла наконецЪ ужасная. Бѣдная Матильда не знала чью взять сторону; она видѣла, что братЪ ея былЪ виноватЪ и старалась утишить сей раздорЪ. Меньшаго не было дома; и такЪ она употребила слезы кЪ успокоенїю матери, но то

было безуспѣшно. Госпожа Арлингтонъ вышла изъ комнаты внѣ себя съ досады, и клялась не пускать никогда на глаза къ себѣ неблагодарныхъ дѣтей, которыя осмѣлились поносить ее.

Матильда, весьма огорченная симъ произшествїемъ, пришла къ дверямъ материной комнаты и всепокорно просила выслушать ее. Она тутъ стояла долго; но не получа отвѣта, принуждена была отойти, разсуждая съ прискорбїемъ обо всемъ томъ, что случилось. Спустя часъ, мысли ея были прерваны коляскою, подъѣхавшею къ крыльцу, и тотъ же часъ увидѣла она въ ней мать свою, которая поспѣшно удалилась. Она очень опечалилась и препроводила долгое время въ мучительномъ ожиданїи. Наконецъ спустя недѣлю, къ крайнему удивленїю услышали они, что госпожа Арлингтонъ была жена Ричарда Гамбури. Не льзя описать ни удивленїя сыновей, ни отчаянїя Матильдина.

ГЛАВА

ГЛАВА XIII.

Жертва.

Печаль, которую не льзя облегчить ни слезами, ни объявленіемъ другу, дѣлается ядомъ, насъ пожирающимъ. Въ такомъ состояніи была нещастная Матильда. Терзался духъ ея, и она не смѣла жаловаться. Живость ея увяла, щеки поблѣднѣли и казалось, что она тихими шагами приближалась ко гробу. Ея братья, которые нѣжно ее любили, всевозможно старались развеселить ее. Она повиновалась ихъ желаніямъ, но не получила отъ того никакого облегченія. Наконецъ старшей, не понимая, для чего сестра его не выздоравливала, заключилъ, что ее нѣчто огорчало. Онъ со всевозможною нѣжностію и дружествомъ неотступно просилъ ее откровенно поговорить съ нимъ. Тутъ былъ и меньшей братъ. Она имъ часто говаривала, что отсутствіе матери и потеря ея искренней любви были причиною худаго ея здоровья; но въ сію минуту, будучи убѣждена благосклонностію братьевъ и по собственной слабости, бросилась она въ объятія старшаго, и, скрывая свое лице, призналась ему, что она обманута Ри-

чардомъ. Молодой Арлингтонъ весьма кстати получилъ извѣстіе о всѣхъ сихъ безчинствахъ, и расказалъ ихъ брату своему въ тужъ самую минуту, какъ сестра ихъ открыла имъ свое сердце. Они слушали сіе съ нетерпѣливостію; и она окончавъ свою рѣчь, не могла воздержаться, чтобъ не вскричать, что она не понимаетъ, какимъ образомъ вышла замужъ ея мать; что должно ей было употребить великое искусство, чтобъ уловить въ свои сѣти Ричарда и отлучить отъ ней, къ которой онъ оказывалъ столько любви: потому что посмотрите, прибавила она, письмо, которое онъ писалъ ко мнѣ послѣ смерти моего отца! Ты знаешь Ричарда Вильямъ, сказала она младшему своему брату. По отъѣздѣ моей матери ты никогда не слыхалъ отъ меня ни одного жалобнаго слова; я старалась только утѣшать васъ. Какъ же можно, продолжала она, я никогда ея не прогнѣвляла, а она могла совершенно оставить меня, называть неблагодарною и сомнѣваться о моей нѣжности? Ахъ, я желаю только узнать обо всемъ, и тогда умру спокойно! Умрешь! вскричалъ младшей Арлингтонъ. Я думаю что то не сбудется и ты будетъ жить,

чтобъ

чтобъ презирать самаго презрительнаго человѣка. Такъ Гамбури бездѣльникъ и извергъ, повторяла съ трепетомъ нещастная его сестра! Не сомнѣвайся о томъ, сказалъ Вильямъ; онъ самой гнусной человѣкъ и мы должны смотрѣть такими же глазами и на нашу мать. Сего дня она родила дочь, а ты знаешь, что не прошло еще шести мѣсяцовъ, какъ она проливала слезы при гробѣ нашего отца: слѣдовательно еще при жизни его она имѣла тайное обхожденіе съ безчестнымъ Ричардомъ, да и батюшка нашъ . . . . кто знаетъ, не скоропостижно ли онъ умеръ?

Матильда не могла болѣе слушать: она упала безчувствъ на полъ. Долго старались привести ея въ чувство; но не взирая на всѣ вспоможенія, которыя употребили нещастные ея братья, прожила она только нѣсколько часовъ, и то въ безпрестанномъ безпамятствѣ.

Но оставимъ сіе плачевное зрѣлище и возвратимся къ Гамбури, которой такъ какъ и его супруга, былъ неспособенъ оплакивать нещастную участь Матильды. Они жили очень роскошно и издерживали весьма знатную сумму на лошадей, экипажи и служителей. Госпо-

жа Гамбури къ году родила сына, а вскорѣ по томъ оказались знаки новой беременности. Мужъ ея началъ уже помышлять, что естьли его жена умретъ: то онъ останется въ долгу и притомъ съ дѣтьми, не имѣвъ довольно доходу на прожитокъ, потому что онъ и госпожа Гамбури не знали, что есть хозяйство; а ежечасной расходъ былъ весьма великъ въ разсужденіи ихъ имѣнія. Онъ предложилъ ей оставить Лондонъ. Отъѣздъ ихъ былъ скоръ и скрытенъ; онъ разсѣялъ повсюду слухъ, что поѣхалъ въ Америку, чтобъ взять во владѣніе имущество своего отца, которой и дѣйствительно имѣлъ маетность въ Мариландѣ. Но вмѣсто того они удалились внутрь Франціи, гдѣ и жить расположились. Ричардъ познакомился съ нѣкоторыми приказными, которые были мало достойны своего званія въ разсужденіи нравовъ; а чрезъ то очень легко имъ было сдѣлаться искренними друзьями господина Гамбури. Особливожъ одинъ изъ нихъ ему понравился и пріобрѣлъ всю его довѣренность, въ разсужденіи сходства ихъ мыслей. Этотъ человѣкъ за малую плату былъ въ состояніи все сдѣлать. Ричардъ рѣшился отправить его въ замокъ

мокъ Гамбури, чтобъ онъ развѣдалъ, естьли у его брата дѣти. Возвращенїе сего лазутчика было для него весьма прїятно; ибо онъ увѣдомилъ, что братъ его не имѣлъ того удовольствїя; но спустя годъ, вторично ѣздилъ туда, онъ увѣдомилъ, что его невѣстка была беременна. Сїе весьма жестоко его опечалило. Увидѣвъ, что еще разъ обманулся въ своей надеждѣ, онъ рѣшился оставить свое семейство, перемѣнить имя, и ѣхать самъ въ Англїю, такъ, чтобъ никто не узналъ его. Онъ направилъ путь къ замку Гамбури и долго шатался вокругъ его, надѣясь повстрѣчаться съ братомъ и исполнить свое злодѣянїе; но увидя, что братъ его имѣлъ всегда при себѣ слугу, рѣшился ожидать удобнаго къ сему времени. Онъ былъ готовъ возвратиться въ ту хижину, которую избралъ убѣжищемъ, какъ положившись на свое переодѣянїе, отважился войти въ садъ, гдѣ никого не примѣтилъ. Приближаясь къ дому, увидѣлъ онъ своего брата въ кабинетѣ, наслаждающагося прїятнымъ сномъ. Сей ужасный часъ описалъ уже намъ доброй старикъ. Увы! чувствительной читатель не смѣлъ можетъ быть повѣрить подо-

 зрѣ-

зрѣнію госпожи Гамбури. Но оно было очень справедливо. Сей изверг, увидѣв, что окно было отворено и низко, тотчас в него влезает, потихоньку входит в кабинет, видит пистолет, лежащій на каминѣ, и как он скорѣе всякаго был в состояніи сдѣлать варварство: то берет его, предпочтя своему, и выстрѣливает из него в голову своего брата. По том бросив оной возлѣ его, предается бѣгству, так что никто его и не примѣтил.

Смерть госпожи Гамбури, которая послѣдовала за сим нещастным приключеніем подает новую надежду безчестному Ричарду. Он располагал принести в жертву и младенца, котораго родила она, и думал по том легко примириться с своим отцем и вступить во всѣ свои права; но между тѣм опасаясь, чтоб его не узнали, не ожидая послѣдствій от своего беззаконія, он уѣхал к своей женѣ и не сказал ей ни слова о произшедшем, боясь ввѣрить такую тайну ея скромности.

ГЛАВА XIV.

Услажденіе въ печали.

Мы уже видѣли, какъ печалился нещастной Дворянинъ въ то время, какъ скончалась его невѣстка. Сія нѣжная и чувствительная женщина составляла благополучіе его старости. Онъ лишился любимаго своего сына непонятнымъ случаемъ. Все вдругъ у него было отнято и жизнь казалась ему ужаснымъ бременемъ. Правда, Ричардъ былъ живъ. Онъ былъ сынъ его; но когда съ самаго младенчества показывалъ порочныя склонности, то могъ ли онъ желать видѣть его когда нибудь? Нѣтъ, воспоминаніе объ немъ причиняло огорченіе нещастному отцу. Призывая дѣтей своихъ съ великими воплями, препровождая въ слезахъ дни свои, я скоро съ ними соединюсь, говаривалъ онъ. Мнѣ не остается ни подпоры, ни утѣшенія въ свѣтѣ. Однакожъ посреди живѣйшей его печали, когда приносили къ нему его внуку Аспазію, то онъ бралъ ее на руки, прижималъ къ сердцу и омывалъ слезами. Видъ сего дитяти нечувствительно привелъ его въ самого себя онъ; вспомнилъ обѣщанія, данныя его матери, чтобъ никогда не оставлять ея; священныя обѣща-

нія,

нія, которыя произносили какъ уста, такъ и сердце. Разсудокъ опять началъ царствовать въ чувствительной душѣ сего добраго отца. Онъ не имѣлъ другаго попеченія и ничѣмъ не занимался, какъ только здоровьемъ малолѣтной Аспазіи. Возростая, показывала она всѣ пріятности своихъ лѣтъ, и хотя имѣла всю живость и была весела; однакожъ являла довольно и разума. Ей было десять лѣтъ, какъ дѣдушка повелъ ее на гробъ отца и матери. Тамъ разсказалъ онъ ей о преждевременной смерти той, которая даровала ей жизнь, и что за шесть недѣль предъ тѣмъ ужасной случай лишилъ ее наилучшаго отца. Онъ разсказывалъ о пріятныхъ качествахъ, которыя имѣли какъ тотъ, такъ и другая, и объявилъ ей, что лишась ихъ, онъ бы умеръ безъ нее съ печали. Онъ показалъ ей миніатурные ихъ портреты. Аспазія тысячекратно цѣловала ихъ, плакала неутѣшно надъ гробомъ, сожалѣя сердечно, что ихъ не знала. Такая чувствительность въ столь юномъ сердцѣ утѣшала добродушнаго Гамбури. Сіе внука составляла его удовольствіе и славу; но какъ былъ онъ очень уменъ, то разсудилъ, что ничего не должно

опу-

опускать для ея воспитанія. Она будетъ владѣть, говорилъ онъ, великимъ богатствомъ: то должно, чтобъ ея разумъ и сердце были обработаны, чтобъ она употребляла его благоразумно; нѣтъ ничего труднѣе, какъ пользоваться онымъ съ воздержностію; всегда почти бываетъ или расточительной, или скупецъ. Онъ приставилъ къ ней надзирательницу извѣстныхъ достоинствъ и подъ ея-то смотрѣніемъ поѣхала она въ Невбури въ Бершарѣ, гдѣ нашла всѣхъ учителей, которые для нея были нужны. Господинъ Гамбури позволялъ ей быть у себя только въ вакацію, и сіе время употребляла Аспазія на посѣщеніе всѣхъ своихъ поселянъ, на утѣшеніе стариковъ и больныхъ. Дѣдъ ея, увидѣвъ въ ней сію благородную наклонность, препоручилъ ей раздачу милостыни. Она употребляла то съ такою же разборчивостію, какъ и человѣколюбіемъ, и шестнатцати лѣтъ, когда кончилось ея воспитаніе, возвратилась въ замокъ, и тамъ предалась полезнѣйшимъ упражненіямъ. Она построила домъ, и съ позволенія своего дѣда опредѣлила на оной довольной доходъ, чтобъ всѣ робята могли тамъ обучать-

ся, а дѣвочки упражнялись бы въ шитьѣ. Она раздавала награжденіе тѣмъ, которые прилѣжно обучались и ежедневно посѣщала свою школу, чтобъ тѣ, кои тутъ были приставлены, не позабыли своей должности.

Въ то время, какъ она была въ Невбури, познакомилась коротко съ нѣкоторыми дѣвицами въ ея лѣта, и по возвращеніи въ замокъ Гамбури просила ихъ посѣтить себя. Изъ сего числа была Мисъ Шарлотта Бромлей, которая была собой пріятна и притомъ нѣжнаго и снисходительнаго нрава. Аспазія предпочитала ее всѣмъ своимъ пріятельницамъ, и потому пожелала оставить ее при себѣ. Господинъ Бромлей охотно на сіе согласился; онъ былъ не богатъ и не знатной породы. Воспитаніе, которое онъ далъ Шарлоттѣ, было болѣе блистательно, нежели полезно; ибо онъ надѣялся, что посредствомъ сего удобнѣе найдетъ она себѣ супруга. Онъ обманулся безъ сомнѣнія, однакожъ таково было его намѣреніе. Но помѣстье его еще болѣе обѣднѣло отъ ученія двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ въ духовномъ званіи; а другой посредствомъ нѣкоторыхъ пріятелей, былъ помѣщенъ

въ

въ военную службу. Мисъ Шарлотта была очень щастлива дружбою Аспазіи, и хотя была не столько умна, однакожъ ея живость и нѣжность заставляли всякаго любить ее. Господинъ Бромлей весьма радовался, видя какъ ее принимали въ семъ замкѣ. Частые подарки, которые ей дѣлала Аспазія, умножали еще его удовольствіе; и такъ онъ былъ спокоенъ, видя при мѣстѣ всѣхъ троихъ дѣтей, а особливо сыновей. На меньшаго полагалъ онъ всю свою надежду. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ перемѣнилась его участь. Превратенъ свѣтъ, не смотря на всю нашу предосторожность, и мы часто почитаемъ самое нещастіе величайшимъ благополучіемъ. У господина Бромлея былъ дядя, съ которымъ онъ поссорился при началѣ своей свадьбы, и по томъ тщетно покушался войти къ нему въ милость. Сей родственникъ увѣрялъ, что не только не хотѣлъ его видѣть, но и слушать о его дѣтяхъ, для которыхъ ничего никогда не сдѣлаетъ. Господинъ Бромлей много печалился, думая, что его имѣніе, которое довольно знатно, достанется въ чужія руки. Легко по сему разсудить, сколько онъ обрадовался и удивился, когда

услы-

услышалъ, что сей дядя, будучи боленъ жестокою подагрою, и видя себя при смерти, вошелъ въ чувствованія добраго родственника, и сдѣлалъ духовную, по которой все свое имѣніе отказалъ его дѣтямъ. Но сколь было для него язвительно сіе щастіе, когда почти въ тожъ время получилъ онъ письмо изъ Камбриджа, чрезъ которое извѣстился о смерти старшаго своего сына! Онъ проливалъ еще слезы о семъ сынѣ, любезномъ его сердцу, какъ увѣдомился, что младшій его сынъ былъ убитъ на поединкѣ. Тогда-то почувствовалъ онъ ту истинну, которую намъ тысяча примѣровъ доказываютъ, и которой мало вѣрятъ, что одно богатство не составляетъ щастія.

Мисъ Шарлотта Бромлей оплакивала своихъ братьевъ; сердце ея, какъ мы и прежде сказали, было не нечувствительно; но помышленіе о великомъ богатствѣ, которымъ она будетъ владѣть, скоро осушило ея слезы. Сіе происходило не отъ того, чтобъ она когда нибудь завидовала богатству Аспазіи; но то льстило ея суетности, чтобъ быть ей равной. Въ оправданіе сего чувствованія она говорила: я могу подобно ей дѣлать добро и помогать не-

нещастнымъ. Въ семъ случаѣ она была подобна многимъ другимъ; сердце и разсудокъ не внушали ей, что и безъ богатства можно быть полезнымъ человѣчеству. Должно только имѣть душу, сострадательную при нещастіи другихъ; плакать съ тѣми, которые плачутъ, и подавать добрые совѣты тѣмъ, которые будучи отягчены печалію, не имѣютъ силы переносить ее, ниже взять нужныхъ по сему мѣръ. Мы можемъ также защищать тѣхъ, которыхъ злословятъ; научать незнающихъ, помогать нещастнымъ, и раздавая мало, мы можемъ быть добродушны и полезны намъ подобнымъ.

Шарлотта думала, какъ и многіе: 60,000 фунтовъ стерлинговъ вскружили ей голову; она не примѣчала того, что Аспазія тѣмъ не менѣе превосходила ея. Шарлотту прельщала одна только наружность; но извинимъ ее, потому что есть тысячи, которые смотрятъ такими же глазами на богатство.

Аспазія разлучась съ своею пріятельницею отъ сего приключенія писала къ ней письмо, наполненное нѣжною чувствительностію о смерти ея братьевъ. Она сожалѣла о любезной Шарлоттѣ,

которая лишилась удовольствія раздѣлить свое богатство съ ними, и дѣлала благоразумнѣйшія размышленія о непостоянствѣ вещей сего свѣта. Она старалась внушить въ нее утѣшительныя мысли.

Шарлотта была не весьма довольна письмомъ своей пріятельницы; нравоученіе было для нее странно, и ей трудно было отвѣчать; однакожъ ихъ переписка продолжалась. Не имѣя случая видѣться, они увѣряли другъ друга нѣжнѣйшими письмами о взаимной любви. Спустя полтора года, какъ Мисъ Бромлей владѣла своимъ богатствомъ, отецъ ея, которой желалъ выдать ея за-мужъ, принялъ предложеніе Графа Карбери, которой представлялъ въ женихи своего сына Милорда Дервиля. Богатство Шарлотты было весьма важно для Графа Карбери, коего имѣніе было въ долгу, и могло быть выкуплено половиною приданаго. Господинъ Бромлей съ своей стороны съ восхищеніемъ думалъ, о щастіи, что будетъ Милорда имѣть своимъ зятемъ. Шарлотта несказанно обрадованная, видя свадебныя пріуготовленія, увѣдомила тотчасъ Аспазію чрезъ письмо, въ которомъ описывала она бу-

дущее свое щастїе; она писала ей, что Лордъ Дервиль былъ самой любезной человѣкъ, а особливо выхваляла его уборы, лошадей, кареты и драгоцѣнныя вещи, которыя она получила. Наконецъ ничего недоставало, говорила она, къ ея удовольствїю, какъ только имѣть свидѣтельницею тому любезную Аспазїю.

Сїя искренная прїятельница немедленно ей отвѣчала, что не только не состояло въ ея власти исполнить послѣднее желанїе Шарлотты; но что также она не имѣетъ никакой охоты оставить своего дѣда, котораго ежедневно составляло благополучїе скорыми и нѣжными услугами. И такъ она удовольствовалась тѣмъ, что изъяснила все то, что ощущаетъ чувствительное сердце, когда истинно раздѣляетъ оно щастїе своихъ друзей. Къ сему комплименту она присовокупила прекрасной подарокъ. Спустя нѣсколько недѣль, получила она письмо, съ подписью: Шарлотта Дервиль, и писанное въ Портманъ-Скварѣ. Сїе письмо было наполнено однимъ только описанїемъ ея веселостей. Она продолжала писать къ Аспазїи; но письма ея сдѣлались весьма коротки; потому

что принуждена была ихъ оканчивать, то для того, чтобъ ѣхать въ Оперу, или въ звѣринецъ, то для верховой ѣзды. Оставимъ ея на нѣсколько времени наслаждаться разсѣянною жизнїю, и возвратимся къ Аспазїи, которая была въ замкѣ спокойна и безъ малѣйшей печали. Тутъ бывало собранїе изъ сосѣдей и хотя не велико, но прїятно. Аспазїя утѣшалась при видѣ почтенныхъ людей, которыхъ присутствїе приносило удовольствїе дѣду; она заставила всѣхъ себя любить и почитать. Часть ея вѣка, какъ мы сказали, прошла въ исполненїи добрыхъ дѣлъ, и она не могла представить себѣ прїятнѣйшей сея жизни. Веселость разливалась на ея прелестномъ лицѣ и усугубляла красоту ея. Не питая ни къ кому любовной страсти, она смотрѣла на всѣхъ мущинъ, какъ на своихъ братьевъ и друзей; и хотя никогда не бывала печальна, однакожъ сердце ея легко трогалось при печали другихъ. Съ прискорбїемъ оставляемъ мы сїе Ангельское творенїе, чтобъ возвратиться къ злобнѣйшему въ свѣтѣ человѣку Ричарду Гамбури.

ГЛАВА

ГЛАВА XV.

Разлука.

Мы уже видѣли, что онъ имѣлъ лазутчика, котораго посылалъ нѣкогда въ замокъ Гамбури для освѣдомленія. При возвращеніи изъ послѣдняго своего путешествія онъ привезъ Ричарду весьма пріятную новость, что прекрасная и всѣми обожаемая Аспазія, никого еще не избрала, и даже отказала весьма выгоднымъ женихамъ. Сего было довольно, чтобъ воспалить воображеніе Ричарда, и подать ему пріятную надежду. Онъ желалъ ее видѣть въ дѣйствѣ, когда его положеніе сдѣлалось довольно скучно. Жена его проживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ въ добромъ согласіи, перемѣнила нечувствительно характеръ, или по крайней мѣрѣ какъ его нравъ испортился съ лѣтами, то она сдѣлалась напослѣдокъ угрюма и ревнива до чрезвычайности. Тогда не видя болѣе отъ мужа своего тѣхъ поступокъ, которые нѣкогда ея прельщали, вдругъ уѣхала отъ него въ Лондонъ, и оставила ему и тремъ дѣтямъ только четвертую часть своего имѣнія. Она была весьма худая мать и жена, и потому могла ли

большимъ пожертвовать. При всемъ томъ, что была стара, желала она веселиться, и для того избрала самое лучшее мѣсто въ городѣ для житья своего.

Двое сыновей Ричардовыхъ были давольно хорошо воспитаны; но совсѣмъ тѣмъ онъ очень объ нихъ безпокоился, такъ какъ и о своей дочери. Не имѣя никакого средства пристроить ихъ къ мѣсту, онъ почиталъ нужнымъ примиренїе съ своимъ отцемъ, и ласкался, что сїе нетрудно будетъ; а особливо, естьли употребитъ обманъ и хитрость, которые всегда состояли въ его власти. Двадцать лѣтъ ужъ прошло, какъ онъ оставилъ Англїю, а по сему и не льзя было знать о его поведенїи. Гнѣвъ отца долженъ былъ также уменшиться; и такъ онъ ничего не боялся въ своемъ предпрїятїи; но напротивъ того много надѣялся: потому что отецъ его былъ очень старъ, а Аспазїя молода: то легко было обмануть обоихъ, одного по причинѣ слабости, а другую по неопытности. Старшей сынъ его къ прїятному лицу присоединялъ выгодной станъ. Онъ могъ понравиться Аспазїи, жениться на ней съ согласїя ея дѣда, и чрезъ то доставить во владѣнїе отцу все его богат-

гатство. Молодой Гамбури, был очень доволен сим предпріятіем, думая получить великое имѣніе и прекрасную жену. Он согласился с отцем, чтоб то произвесть в дѣйство; однакож успех не был столько щастлив, как они ожидали.

ГЛАВА XVI.

Приступ.

В одно утро, как Аспазія играла на арфѣ перед своим дѣдом, имѣла одну из его любимых арій, входит слуга и докладывает, что молодой человѣк принес письмо и требует позволенія войти. Старой Дворянин велѣл впустить, и он предстал пред них с пріятностію и кротостію. Он блѣднѣл и дрожал. — Замѣшательство изображалось на его лицѣ и во всѣх поступках; он подошел однакож и вручил письмо. Господин Гамбури, которой казался был тронут его видом, принял письмо, не говоря ни слова. Услужливая Аспазія просила сѣсть чужестранца; но сей поклонился низко и при том так, как будто бы не

осмѣливался взять сей вольности. Потомъ глаза его обратились съ смущенїемъ на старика, которой взявъ очки, распечаталъ письмо. Аспазїя сѣла на свое мѣсто, и смотрѣла то на чужестранца, то на дѣда, которой уже прочелъ половину письма, какъ молодой человѣкъ, къ великому ея удивленїю, бросился предъ нею на колѣни, и омываясь слезами, просилъ ея помочь, чтобъ получить прощенїе умирающему отцу.

Г. Гамбури, удивленный поступкомъ чужестранца, смотрѣлъ на него пристально. Кто ты таковъ, сказалъ онъ ему, и чего просишь? Я . . я. . . . О Боже! сжальтесь надъ моимъ отцемъ, вскричалъ онъ, поднявъ руки и глаза на небо! А вы, божественная Аспазїя, удостойте по своему добродушїю за меня ходатайствовать. Прочтите сїе письмо, узнайте каковъ жребїй нещастнаго, которой писалъ его. Онъ умираетъ и не смѣетъ надѣяться на милосердїе Бога; замѣшательство и страхъ владычествуютъ въ душѣ его; онъ не можетъ быть ни на минуту спокоенъ, естьли наилучшїй отецъ не проститъ его.

Аспа-

Аспазія не взирая на свое замѣшательство, подняла чужестранца, и взявъ письмо, которое выпало изъ рукъ ея дѣда, пробѣжала его глазами. Какъ! вскричала она, вы сынъ моего дяди! Г. Гамбури пришедши въ себя, посмотрѣлъ свирѣпо на чужестранца. Выдь, сказалъ онъ; ступай къ своему отцу, скажи, что я его прощаю; но не хочу никогда его видѣть, ни слышать объ немъ. Молодой Гамбури повиновался со изъявленіемъ глубокаго почтенія, и закрывая платкомъ свое лице, вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова, какъ Аспазія, тронутая до глубины души, видя сына свирѣпо отверженнаго за проступки отца, бросилась въ слѣдъ за нимъ, и взявъ его за руку привела къ Г. Гамбури. По томъ употребивъ то сладкое краснорѣчіе, которое ей было сродно, описала ему столь чувствительно умирающаго сына и угрызеніе совѣсти, такъ какъ и жестокое положеніе его дѣтей, что добродушный старикъ не могъ болѣе противиться. Онъ взялъ своего внука въ объятія, увѣрялъ объ отеческой нѣжности и позволилъ ему сказать отцу о добрыхъ его къ нему расположеніяхъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ тотчасъ къ нему

отправился. Легко подумать можно, что мнимой умирающей, выздоровѣлъ отъ сихъ новостей, и спустя нѣсколько времени, которое было нужно для выздоровленія отъ ложной болѣзни, пріѣхалъ въ замокъ съ тремя своими дѣтьми. Свиданіе было столь трогательно, что казалось и Ричардово сердце умягчилось. Онъ не могъ взирать безъ нѣкотораго движенія на благородную и чувствительную Аспазію, когда подавала она нѣжные знаки дружества новой своей фамиліи. Дарованіе и разсудокъ, которые въ ней блистали, напередъ давали ему знать, что онъ не успѣетъ по своему намѣренію женить на ней своего сына. Что касается до Аспазіи, то радость чистѣйшая видна была на ея лицѣ. Она способствовала перемѣнѣ жребія четырехъ особъ, которые изъ глубочайшаго отчаянія перешли въ спокойнѣйшее состояніе. Къ ея удовольствію недоставало только того, что не взирая на ея усильную прозьбу, дѣдъ ея не хотѣлъ укрѣпить части своего имѣнія молодымъ Гамбури. Она много разъ говаривала ему о томъ; и вотъ, что онъ ей отвѣтствовалъ: я почитаю, любезная Аспазія, одну тебя наслѣдницею, и ты должна владѣть всѣмъ

мо-

моимъ именїемъ. Что касается до моихъ внуковъ, я увѣренъ, что лучше нельзя имъ быть, какъ въ твоихъ рукахъ, и что ты будешь объ нихъ стараться, естьли они будутъ того достойны; но опасайся дѣлать что нибудь, не узнавши, что они то заслуживаютъ. По ихъ поведенїю должно размѣрять дары свои. Впрочемъ вспомни, что они произошли отъ младшаго колѣна. Аспазїя мало была довольна симъ опредѣленїемъ; однакожъ почла за долгъ сохранять почтительное молчанїе, пока ей будетъ двадцать одинъ годъ; (ей только надобно было подождать одинъ годъ до сего возраста) потому что въ сїе время она могла изъ имѣнїя своей матери доставить каждому изъ нихъ порядочную жизнь. Сїя прїятная дальновидность наполняла удовольствїемъ ея душу. Будучи столь добродѣтельна и невинна, ни мало не думала она, чтобъ тѣ, которымъ она хотѣла сдѣлать щастїе, могли стараться всячески сдѣлать ея жертвою безчестнаго своего заговора.

Едва прошло три недѣли бытности Ричардовой въ замкѣ, какъ сынъ его Эдуардъ, управляемой его совѣтами началъ прислуживать Аспазїи; но обманулъ

нулЪ самого себя, потому что желая показать притворную любовь, онЪ подлинно влюбился вЪ двоюродную свою сестру. Сей молодой человѣкЪ не былЪ рожденЪ порочнымЪ, и былЪ достоинЪ лучшаго отца. Любовь сдѣлала его робкимЪ, и онЪ не могЪ повстрѣчать глазЪ Аспазіи безЪ того, чтобЪ живая краска не покрыла его лица; волненіе души его извлекало часто глубокіе вздохи. ОтецЪ спрашивалЪ его сЪ сердцемЪ, какЪ онЪ могЪ думать, чтобЪ печальный и жалующійся любовникЪ, могЪ обольстить сердце женщины. ОнЪ отвѣчалЪ на сіи упреки увѣреніемЪ, что употребитЪ всѣ силы перемѣнить поведеніе; но хитрой РичардЪ, видя, что онЪ не имѣлЪ совсѣмЪ дарованій, потребныхЪ кЪ тому, чтобЪ играть данную ему роль, взялЪ другой оборотЪ, и говорилЪ однажды предЪ Аспазіею весьма вЪ жестокихЪ выраженіяхЪ о своемЪ сынѣ, упоминая, что онЪ сЪ крайнимЪ огорченіемЪ усматривалЪ вЪ немЪ надменное предубѣжденіе получить ту, которой никто вЪ свѣтѣ не былЪ достоинЪ, и что онЪ не могЪ иначе пріобрѣсть вновь ея довѣренность, какЪ излѣчившись отЪ неразсудной страсти,

от-

отравлявшей горестью сердце его отца. Аспазія подождавъ, пока утихнетъ гнѣвъ его, начала по томъ говорить: „Возможно ли! Г. Гамбури, чтобъ вы такъ худо поступали съ своимъ сыномъ за то, что онъ имѣетъ ко мнѣ привязанность? Ибо я думаю, что я есть та особа, о которой вы хотѣли говорить; позвольтежъ сказать, что вы неправы, хуля его за то, потому что онъ теперь не больше можетъ властвовать любовью, какъ и я, которая еще ни къ кому не питала страсти; но вы бы гораздо лучше сдѣлали, естьли бы сохраняли также молчаніе. Я увѣряю, что увидя со временемъ невозможность преклонить меня, онъ вошелъ бы въ разсудокъ, и побѣдилъ безнадежную любовь.„ Ричардъ Гамбури отъ сихъ словъ пришелъ въ замѣшательство; онъ очень чувствовалъ, что всѣ его предпріятія и спровергались. Онъ старался однакожъ принудить себя передъ Аспазіею; но при всемъ томъ еще больше возненавидѣлъ Эдуарда. Нещастной молодой человѣкъ испыталъ всѣ дѣйствія той ненависти послѣ, такъ какъ и колкія насмѣшки отъ брата и сестры. — И какъ его положеніе было весьма несносно, то онъ отважился сказать

зать однажды, что желаетъ ѣхать къ Батскимъ водамъ. Аспазія видя, что онъ хотѣлъ туда ѣхать для излѣченія себя отъ страсти, ободрила его намѣреніе, примолвя, что онъ очень хорошо вздумалъ, желая узнать получше свое отечество, и особливо совѣтовала побывать ему въ Валлійскомъ Княжествѣ.

Путешествіе дорого стоитъ, отвѣчалъ съ досадою его отецъ, и онъ не для того сотворенъ, чтобъ слѣдовать своимъ желаніемъ. Это до васъ не касается, сказала съ пріятностію Аспазія, я берусь за все, и увѣрена, что перемѣна воздуха и различіе предметовъ сдѣлаютъ пользу моему брату. Сказавъ сіе, написала записку на 2000 фунтовъ; по томъ смотря на своего дѣда, и подавая оную съ улыбкою, просила подтвердить ея намѣреніе, естьли онъ не хочетъ лишить ее поцѣлуя, которой она давала ему всякой вечеръ. Онъ принялъ бумагу и съ великимъ удовольствіемъ написалъ другую, на полученіе такой же суммы въ Лондонѣ. Бѣдной Эдуардъ едва могъ изъявить признательность Аспазіи: столь было сильно его движеніе. Онъ схватилъ ея руку, прижалъ къ своему сердцу и почувствовавъ,

вавъ, что его замѣшательство увеличилось такъ, что онъ уже былъ надъ нимъ не властенъ. Онъ вышелъ изъ комнаты и на другой же день уѣхалъ, приказавъ слугѣ засвидѣтельствовать почтенїе своей фамилїи.

ГЛАВА XVII.

Великодушїе, заплаченное неблагодарностїю.

Ричардъ былъ весьма доволенъ отъѣздомъ Эдуарда. Сей свидѣтель его безпокоилъ, вмѣсто того, что Марья Гамбури, такъ какъ и ея братъ, были весьма достойны того, чтобъ войти въ его виды. Они употребили всѣ силы, чтобъ прїобрѣсть любовь стараго Гамбури, и истребить, естьли можно, нѣжность его къ Аспазїи. При всей своей невинности прекрасная Аспазїя имѣла довольно прозорливости, чтобъ усмотрѣть ихъ скрытное намѣренїе. Она почувствовала отъ того одно только презрѣнїе, и думала, то лучшее средство наблюдать притомъ молчанїе; ей нѣчего было бояться, потому что дѣдъ ея прїобыкъ любить ея, и удивляться ей во всемъ, хотя

и не видалъ подлаго намѣренія своихъ дѣтей. Ричардъ весьма мало имѣлъ успѣховъ въ желаніи присвоить имѣніе своего отца, какъ непредвидимой случай сдѣлалъ для него то, чего онъ не смѣлъ надѣяться.

Аспазія весьма любила прогуливаться по водѣ. Въ одинъ вечеръ предложила она Марьѣ и ея брату проѣхаться на маленькой лодкѣ по озеру. Они съ охотою приняли сіе предложеніе; а какъ вечеръ былъ очень хорошъ, то и продлили свою прогулку. Они не взяли съ собою никого изъ служителей, но къ щастію случился человѣкъ въ другой лодкѣ, которой занимался починкою сѣти; какъ Марья показала скучливой видъ, что такъ долго были на водѣ: то услужливая Аспазія просила брата возвратиться къ берегу. По его непроворству, а особливо потому, что онъ упрямился ѣхать дорогою, которую показалъ имъ рыбакъ, лодка ударилась столь сильно о берегъ, что опрокинувшись на другую сторону захлебнулась. Жамесъ Гамбури успѣлъ выскочить на берегъ и съ своею сестрою. Чтожъ касается до Аспазіи, то она упала въ озеро; но рыбакъ, которой былъ не далеко отъ того мѣста, бро-

сился

сился въ воду и схвативъ, вынесъ ее на берегъ. Страхъ лишилъ ея совершенно чувствъ и рыбакъ счелъ ее за умершую. Въ замѣшательствѣ своемъ онъ бросился бѣжать, имѣя Аспазїю на рукахъ, и кричалъ по дорогѣ, что госпожа его утонула. Сїе печальное извѣстїе вскорѣ дошло въ замокъ; старой помѣщикъ находился тогда въ залѣ, которая была окнами въ садъ; имѣя подагру, онъ сидѣлъ въ креслахъ; ноги его были увернчены и лежали на небольшемъ стулѣ. Онъ спорилъ съ Ричардомъ, но услышавъ опасность, въ которой находилась любезная его Аспазїя, позабылъ свои лѣта и болѣзнь, вскочилъ, быстро бросился въ садъ, и нашелъ ея не въ дальномъ разстоянїи, лежащую на травѣ, гдѣ лишь только ея положили. Онъ кинулся къ ней, и съ изъявленїемъ величайшаго отчаянїя просилъ небо громкимъ голосомъ прекратить жизнь его, естьли дорогая его Аспазїя не откроетъ глазъ. Между тѣмъ собравшись нѣсколько съ мыслями, онъ вспомнилъ, что у него былъ элексиръ, котораго пользу чувствовалъ не однократно, и тотчасъ подалъ связку ключей Ричарду, сказавъ ему, чтобъ сходилъ въ кабинетъ и взялъ тамъ элек-

сиръ изъ шкафа. Сія связка ключей вмигъ напомнила Ричарду о собственной пользѣ. Онъ тотчасъ вздумалъ, что ему дѣлать, и позвавъ съ собой Марью, вошелъ въ кабинетъ; не трудно ему было найти бутылку съ элексиромъ. Онъ отдалъ ее дочери, чтобъ отнесла въ садъ, а между тѣмъ зная довольно ключь отъ бюро своего отца, онъ отперъ его, и первое, что увидѣлъ, былъ свернутой пергаментъ, на которомъ было написано большими словами: *это мое завѣщаніе.* Дрожа отъ радости, онъ положилъ его въ свой карманъ, заперъ бюро, и возвратясь къ отцу, отдалъ ему ключи. Доброй старикъ не могъ примѣтить, что Ричардъ позамѣшкался; онъ едва помнилъ печальное приключеніе и занимался единственно удовольствіемъ смотрѣть на дорогую свою Аспазію, которая уже опомнилась. Пріѣхалъ лѣкарь, и присудилъ отворить кровь; ея положили на постель и она совсѣмъ оправилась.

Но нетаково было бѣдному помѣщику: сіе приключеніе такъ сильно на него подѣйствовало, что подагра перешла въ желудокъ, и онъ скоро сдѣлался опасно боленъ.

Воз-

Возвратимся къ Ричарду, которой ухватя завѣщанiе, ушелъ въ свою комнату, чтобъ свободно было его разсмотрѣть; онъ увидѣлъ, что оно давно было писано, потому что годъ и число были означены, и не удивился, не нашедши тутъ своего имени. Онъ разсуждалъ, какимъ бы образомъ уничтожить волю своего отца и думалъ, что хотя и сожегъ бы завѣщанiе, то Аспазiя все останется наслѣдницею: потому что она произошла отъ старшаго колѣна; и такъ принужденъ былъ принять другое средство, надѣясь на друга своего, нѣкотораго стряпчаго. Этотъ человѣкъ, которой былъ въ Лондонѣ, имѣлъ между прочими дарованiями искусство подписыватся совершенно подъ руку. Ричардъ поспѣшая воспользоваться состоянiемъ, въ которомъ былъ его отецъ, тотчасъ послалъ къ нему нарочнаго, увѣдомить его о своей надобности и просить его, чтобъ не медля ни минуты, прiѣхалъ въ ближайшую деревню отъ замка. Онъ прiѣхалъ туда, и съ общаго согласiя они совсѣмъ передѣлали завѣщанiе. Будучи спокоенъ съ этой стороны, онъ по-видимому оказывалъ нѣжныя старанiя своему отцу, и какъ

сей часто былъ въ безпамятствѣ: то легко было ему взять ключи и положить завѣщанïе на тоже мѣсто, на которомъ онъ его нашелъ; а особливо въ первые дни, когда нещастная Аспазïя была еще въ постелѣ, одержимая легкою лихорадкою; но услышавъ о болѣзни своего дѣда, она встала, и съ сихъ поръ не отходила отъ его постели. Лучшïе Доктора изъ Баша были призваны, но безполезно; они не могли вылѣчить его отъ подагры. Честной Г. Гамбури умеръ по претерпѣнïи десятидневной мучительной боли, которую ничто не облегчало, кромѣ нѣжныхъ попеченïй добродушной его Аспазïи. Одно щастïе при кончинѣ его жизни было то, что Аспазïя выздоровѣла. Никто не можетъ изобразить, что она чувствовала въ жестокую минуту, въ которую лишилась наилучшаго отца. Нѣсколько дней была она безъ ума, и не помышляя о себѣ, едва чувствовала, что была на свѣтѣ. Марья, которая почитала ея наслѣдницею Г. Гамбури, не отходила отъ нея, и старалась чрезъ свое попеченïе, сдѣлаться прïятною въ ея глазахъ.

ГЛАВА

ГЛАВА XVIII.

Удивленіе.

Аспазія приходитъ въ себя, для того, чтобъ чувствовать съ большею горестію свою потерю. Она думала, что ея приключеніе причинило смерть ея дѣду, и сія мысль умножала еще чувствительнѣйшую печаль. Она не могла вспомнить, что онъ для нее дѣлалъ, безъ глубокихъ вздоховъ, и чтобъ не содрогнулось ея сердце. Онъ занималъ у нея мѣсто всѣхъ родственниковъ. Никогда не отказывалъ ей ни въ одномъ желаніи и доставлялъ ей всѣ средства для изощренія вкуса, изъявляя притомъ неограниченную довѣренность. Онъ употреблялъ ту власть, которую имѣлъ надъ нею, только для показанія опытовъ безпредѣльной любви къ ней одной. Она припомнила, что онъ ей приказывалъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ ничего не дѣлать, не посовѣтовавъ съ Докторомъ Бернардомъ, Ректоромъ ихъ прихода. Онъ былъ тогда въ отсутствіи; и такъ она отписала къ нему, и увѣдомивъ о нещастіи, которое съ нею случилось, объявила, что имѣетъ крайнюю нужду въ его присутствіи, какъ для открытія за-

вѣщанія, такъ и для похоронъ, потому что она была не въ силахъ сама приказывать. Писала сверхъ того, что Ричардъ Гамбури не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться, и показывалъ къ ней холодность, которая тѣмъ больше ее огорчала, что она не имѣла другаго желанія, какъ только въ самой скорости доставить порядочное имѣніе его дѣтямъ; что пришедши въ себя, она прежде всего думала объ нихъ, и не хотѣла ни на минуту опускать изъ виду сего важнаго предмета, потому что ничто столько ея не занимало, какъ желаніе быть достойною довѣренности своего дѣда. Въ первыя минуты она положила печати съ своимъ гербомъ на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только знала, что были бумаги. Г. Томкинсъ отнесъ письмо отъ Аспазіи къ Доктору Бернарду, и на другой день возвратился съ отвѣтомъ, которой былъ въ нѣсколькихъ строкахъ, съ великимъ трудомъ написанныхъ: потому что параличь, которой не давно его разбилъ, принуждалъ его лежать въ постелѣ. Онъ изъявилъ Аспазіи искренное участіе въ ея печали и сожаленіе, что не можетъ пріѣхать, чтобъ соотвѣтствовать ея довѣренности, которую она къ нему ока-

зала; что онъ надѣялся однакожъ, что его здоровье позволитъ ему быть при открытіи завѣщанія. Чтожъ касается до похоронъ: то она должна въ разсужденіи сего вспомнить волю своего дѣда, и поступить въ соотвѣтственность съ оною.

Аспазія, будучи столь же великодушна, какъ и чувствительна, приневолила себя, и отдала всѣ нужные приказы для воздаянія послѣдняго долгу своему дѣду. Она однакожъ ничего не сдѣлала, не посовѣтовавъ съ Ричардомъ Гамбури. Марья, такъ какъ и ея братъ, хвалили каждой ея поступокъ такимъ образомъ, что показывали ясно подлыя свои чувства. Отецъ ихъ былъ только благоразуменъ, что не ввѣрилъ имъ дѣла о завѣщаніи. Виновная душа его боялась всякого свидѣтеля, и къ своему спокойствію онъ бы хотѣлъ, чтобъ другъ его стряпчей, не пережилъ его отца.

Насталъ день погребенія; Докторъ Бернардъ не могъ быть въ замкѣ. — Тѣло честнаго Гамбури опущено было съ великолѣпіемъ въ гробницу его предковъ при многочисленномъ стеченіи его сосѣдей и подчиненныхъ. Сожалѣніе, напечатлѣнное на лицѣ каждаго,

довольно доказывало, что то был наилучшій человѣкъ, которой заставилъ ихъ проливать слезы.

Аспазія, совершенно предавшаяся печали, препроводила сей день въ мрачномъ молчаніи; но ввечеру, примѣчая изо всего неудовольствіе своего дяди, предложила открыть завѣщаніе. Тутъ былъ Г. Томкинсъ; долговременныя его услуги пріобрѣли всю ея довѣренность, и она просила его, чтобъ слѣдовать за ними. Они пришли въ кабинетъ усопшаго; Ричардъ, такъ какъ и Аспазія, сняли положенныя печати и отперли бюро; первая бумага, которая попалась въ глаза, было завѣщаніе. Аспазія взяла его дрожащею рукою. Вотъ, сказала она, воля почтеннаго моего отца; она его рукой написана; по томъ разломила печать; но ея силы не позволяли ей прочесть завѣщанія, и она вручила его Ричарду, которой равномѣрно отказался отъ сей должности, сказавъ, что довольно для него и слышать, что онъ лишенъ наслѣдства и почтетъ себя щастливымъ, естьли совсѣмъ неупомянуто его имени въ семъ завѣщеніи. Сколь вы меня огорчаете, вскричала Аспазія! Развѣ не имѣете вы, дядюшка, никакой надежды на меня, когда я по-

поставляю въ томъ наипаче свое благополучіе, чтобъ устроить ваше? Сказавъ сіе, вынула она изъ своей записной книжки планъ своихъ мыслей, и ему показала. Въ семъ планѣ было означено все то, что она намѣревалась сдѣлать для него и для дѣтей его. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не поблагодарить ея, хотя и съ великимъ безпокойствомъ. Аспазія, чтобъ уменшить оное, обратилась къ Томкинсу и просила его прочесть завѣщаніе. Я оставляю на судъ моимъ читателямъ, какое дѣйствіе оно произвести должно было. Ричардъ очень хорошо игралъ свою роль; дѣти его, исполненныя радости, едва могли притвориться. Что касается до Аспазіи, то сдѣлавшись безъ движенія, не знала она, на яву ли то было, или только обманчивое и мучительное сновидѣніе. Честной Томкинсъ въ первомъ жару бросилъ его на полъ, вскричавъ съ досадою: какъ можетъ статься это? Тутъ совсѣмъ, что-то невѣроятное; но не уже ли, сказалъ сынъ Ричарда, которой очень могъ бы обнаружить истинну, не признаетъ сіе Мисъ Гамбури за волю своего дѣда? Мнѣ не остается говорить, отвѣчала Аспазія, естьли она и не такова была въ са-

момъ дѣлѣ, то я всегда буду почитать ее священною. Вотъ неожидаемое для меня приключенїе, сказалъ Ричардъ, но оно служитъ доказательствомъ, что мой почтенной отецъ узналъ современемъ, что мой братъ и невѣстка несправедливо меня обвинили; ибо онъ дѣлаетъ меня наслѣдникомъ всего своего имѣнїя, въ награду за безпокойства, дватцать лѣтъ мною претерпѣваемыя. Покажи мнѣ, сказалъ онъ Томкинсу, что еще тутъ упомянуто? Любезной моей внукѣ Аспазїи Гамбури 3000 фунтовъ стерлинговъ, которые получить ей отъ вышесказаннаго сына моего Ричарда, по смерти моей спустя шесть мѣсяцовъ, опричь доходовъ, опредѣленныхъ на содержанїе младшихъ сыновей Генриха Гамбури и Аспазїи Элвудъ. Объясните пожалуйте, любезная племянница, сказалъ Ричардъ печальной Аспазїи, (которая опершись головою на руку, погрузилась въ глубокую задумчивость) не помните ли вы, не говорилъ ли когда при васъ батюшка о погрѣшности въ сей статьѣ завѣщанїя? Я удивляюсь, что онъ позабылъ ее. Часто случалось, что опущенїе слова портило весь смыслъ самой хорошей сдѣлки. Многїе люди лишились отъ того имѣнїя,

хотя

хотя намѣреніе завѣщателя было въ самомъ дѣлѣ весьма ясно; но здѣсь прибавка одного слова, или немногихъ буквъ была очень важна.

Какъ супружественной договоръ былъ постановленъ, то изъ презрѣнія сказано, что сумма три тысячи фунтовъ стерлинговъ принималась за все имѣніе, и должна была достаться молодымъ мужеска полу дѣтямъ вышесказаннаго Генриха Гамбури. . . Сія погрѣшность узнана, нѣсколько времени спустя послѣ женитьбы; братъ мой долженъ бы былъ стараться о поправленіи ея, но откладывая то день ото дня, онъ умеръ; а потому и все сдѣлалось безполезно: ибо по законамъ Аспазія одна осталась наслѣдницею. И такъ бумага осталась въ такомъ состояніи, какъ была, чтобъ служить напоминаніемъ нашей фамиліи, избѣгать впредь такихъ погрѣшностей. Однакожъ не безпокойтесь, любезная моя племянница, примолвилъ злобной лицемѣръ: вы всегда найдете во мнѣ добраго покровителя. Весьма встревоженная Аспазія, не могши отвѣтствовать на сей комплиментъ, поклонилась только, и тотчасъ вставши, вышла немедленно, оставивъ бѣднаго Томкинса, которой охотно

бы за нею последовалъ; но увидѣлъ себя принужденнымъ остаться, потому что Ричардъ просилъ его прочесть съ нимъ въ другой разъ завѣщанiе. Когда они остались одни, то Ричардъ началъ выхвалять прежнее поведенiе Томкинса, и притомъ усильно просилъ прилѣпиться къ его пользамъ, такъ какъ было при отцѣ его, и обѣщалъ за то удвоить его жалованье. Ричардовы обѣщанiя были нѣсколько важны для Томкинса, хотя и за половину того онъ предпочелъ бы служить Аспазiи. Какъ онъ ничего не имѣлъ, то почувствовалъ необходимость остаться управителемъ у Ричарда Гамбури, предположивъ однакожъ оставить его, какъ скоро онъ потребуетъ чего предосудительнаго чести.

Аспазiя препроводивъ ночь очень дурно, была не въ состоянiи сойти, и завтракала въ своей комнатѣ; но разсуждая, сколько бы причинила радости подлымъ своимъ родственникамъ, естьлибъ показала свое унынiе, рѣшилась употребить всю свою бодрость и сойти къ нимъ во время обѣда.

При входѣ ея въ столовую Марья и ея братъ сдѣлали ей весьма худое привѣтствiе; а ея дядя поклонился ей съ

видомъ покровителя. Но притворясь не внимательною къ ихъ обхожденію, она подошла къ столу, чтобъ взять обыкновенное свое мѣсто, какъ Марья оттолкнувъ ея рукой, безъ церемоніи сѣла тутъ сама; Аспазія не говоря ни слова, сѣла по сторону, гдѣ находиться на-канунѣ сего, Марья почитала за великое для себя щастіе. Она вступала въ разговоры спокойно и съ обыкновенною ей пріятностію, которая ихъ очень трогала: потому что имъ хотѣлось, чтобъ она огорчилась ихъ наглостями, дабы чрезъ то получить удовольствіе усугубить оныя.

ГЛАВА XIX.

Отверженное предложеніе.

Послѣ обѣда Ричардъ Гамбури приказалъ позвать къ себѣ Томкинса; Марья сказавъ, что ей скучилось дома, предложила своему брату прогуляться въ одноколкѣ. Аспазія увидѣвъ, что ея щипали ни за-что, употребила въ пользу ту вольность, которую доставляло ей толикое со стороны родственниковъ равнодушіе, и возвратилась въ свою комнату,

нату, съ тѣмъ, чтобъ провести въ ней остатокъ дня. Она не могла удержаться, чтобъ не углубиться въ весьма печальныя размышленія о своей участи: какая съ нею послѣдовала перемѣна! и по какому непонятному случаю все сіе произошло? Не могши понять того, она ожидала съ нетерпѣливостію отвѣта отъ Доктора Бернарда, у котораго чрезъ письмо требовала совѣту, какъ ей поступать въ семъ состояніи; онъ былъ у нея одинъ другъ въ свѣтѣ, и въ прискорбномъ ея положеніи нужна была подпора для ея сердца. Чѣмъ больше она размышляла, тѣмъ болѣе терялась въ своихъ мысляхъ. Она не могла не думать, что надлежало быть великому обманщику, чтобъ произвесть такую перемѣну въ ея дѣдѣ; но трудно было угадать ей, отъ чего произошло, что онъ, будучи всегда добродушенъ, не оставилъ никакой награды ни Томкинсу, ни старымъ и вѣрнымъ своимъ служителямъ? Утомившись наконецъ отъ помышленій о семъ, совершенно непонятномъ для нея приключеніи, она рѣшилась сносить его съ бодростію и терпѣніемъ, и предаться въ волю Провидѣнія. Она легла, будучи довольно спокойна и спала благополучно.

Не

Не то происходило съ Ричардомъ; онъ могъ обманывать другихъ; но душа его была раздираема раскаяніемъ, и онъ трепеталъ, чтобъ не открылось плутовство его. Онъ былъ доволенъ поведеніемъ Аспазіи, которая казалось, предалась охотно волѣ своего дѣда; но боялся Доктора Бернарда, которой былъ человѣкъ умной, знающій свѣтъ, и которой могъ совершенно распутать дѣло. Впрочемъ могъ измѣнить ему и тотъ, на котораго былъ онъ принужденъ возложить свою довѣренность; однакожъ онъ думалъ, что тотъ для своей безопасности долженъ былъ сохранять его тайну. Сія мысль сколь ни была для него утѣшительна, не могла однакожъ доставить ему сна. Преступникъ не наслаждается спокойствіемъ.

Братъ и сестра, какъ мы уже сказали, прогуливались въ одноколкѣ. Всѣ сосѣдскіе робята, видая Аспазію въ семъ экипажѣ, привыкли ходить за нею съ радостнымъ крикомъ и выхвалять ея. Одинъ ея взглядъ, одно ея слово дѣлало ихъ довольными; но въ сіе время трудно имъ было воздержаться, чтобъ не бросать каменьями въ одноколку. Они слышали уже, что Аспазія была лишена

на-

наслѣдства, и что Ричардъ, безчестной Ричардъ, котораго худыя наклонности были извѣстны съ его робячества, былъ уже владѣльцемъ всего именія. И такъ, его дѣти нашли презрѣніе тамъ, гдѣ искали, и думали найти почтеніе, лестное для ихъ суетности.

На другой день передъ завтракомъ подъѣхала къ замку почтавая коляска; въ ней находился Эдуардъ Гамбури. Нарочный, котораго отправилъ къ нему отецъ, повстрѣчалъ его на возвратномъ пути изъ Бата; и онъ едва услышалъ о содержаніи завѣщанія своего дѣда, какъ поспѣшилъ пріѣхать, какъ можно скорѣе въ замокъ.

Тысяча размышленій занимали его дорогою; онъ зналъ своего отца, и потому думалъ, что онъ воспользовался, такъ сказать, дѣтскимъ состояніемъ дѣда, и принудилъ сдѣлать завѣщаніе совершенно въ свою пользу. Не зная еще, какой степени былъ онъ преступникъ; и даже прежде послѣдняго сего дѣла Эдуардъ въ томъ имѣлъ на него подозрѣніе. Настоящее положеніе Аспазіи противъ воли его, производило въ душѣ его радостныя движенія. Онъ всегда любилъ ея нѣжно, не смотря на всѣ уси-

лія, которыя употреблялъ въ отсутствіи, чтобъ отстать отъ нея. Хотя и находилъ онъ во всякомъ родѣ, съ кѣмъ раздѣлять веселости, но всѣ прелести, которыя представлялись ему, не могли причинить ему ни на минуту удовольствія. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было сравнить сихъ женщинъ съ божественною Аспазіею! Прекрасное лице ея былъ малѣйшій даръ въ сравненіи съ прочими, которыми она обладала; кроткая и благотворительная душа, совокупно съ разумомъ, коего пріятности отчасу болѣе развертывались, привлекала всякаго, и навсегда плѣняла тѣхъ, которымъ одинъ разъ случалось ея увидѣть. Эдуардъ не могъ воспротивиться подобнымъ чувствованіямъ; онъ узналъ, что все называемое удовольствіемъ въ свѣтѣ, не заслуживаетъ сего названія, и что нѣтъ благополучія, когда не чувствуетъ онаго сердце. Онъ находилъ даже и въ томъ величайшее удовольствіе, что долгое время былъ въ отсутствіи; и потому не могъ быть въ подозрѣніи относительно къ завѣщанію своего дѣда. Пріѣхавъ къ воротамъ замка, онъ увидѣлъ своего отца, которой шелъ къ нему на встрѣ-

чу; онъ бросился въ его объятія съ прямо сыновнею нѣжностію и живѣйшимъ движеніемъ радости. Какъ скоро могъ онъ говорить, то спросилъ немедленно объ Аспазіи. Она теперь въ своей горницѣ, отвѣчалъ отецъ, и мы ея очень мало видимъ. Любезная и прекрасная дѣвица, вскричалъ Эдуардъ, будучи внѣ себя; такъ я буду щастливѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, естьли она удостоитъ дать мнѣ свою руку! Можно ли быть столь глупу, чтобъ желать того, отвѣчала ему сестра его, которая лишь только вошла? Эта гордая и надменная тварь отказала тебѣ для того, что ты былъ не богатъ, а она мечтала обладать великимъ богатствомъ. Я лучше хочу, чтобъ она умерла, нежели видѣть ея своею сестрою. Бѣдной Эдуардъ не имѣлъ довольно бодрости отвѣтствовать на сіи слова; онъ удовольствовался тѣмъ, что съ презрѣніемъ взглянулъ на Марью. Отецъ его напротивъ того показался очень къ тому благорасположеннымъ, не для того, какъ можно подумать, чтобъ онъ желалъ ему щастія; (Онъ не любилъ своихъ дѣтей, и даже боялся Эдуарда, которой болѣе всѣхъ удалился отъ его правилъ) но для того, что бракъ

Аспа-

Аспазіи могъ послужить къ собственной его безопасности, потому что, естьлибъ она когда нибудь и узнала о несправедливости завѣщанія, то пощадилабъ честь той фамиліи, въ которую вступила, и не сталабъ разглашать такія постыдныя дѣла. Вскорѣ послѣ завтрака, при которомъ не было Аспазіи, потому что она сказала, что не можетъ выпти изъ своей комнаты. Эдуардъ послалъ попросить у нея позволенія повидаться съ нею въ ея покояхъ. Она приказала ему сказать, что приметъ его охотно. Сей простой отвѣтъ привелъ его внѣ себя отъ радости. Онъ вскочилъ, чтобъ пойти къ ней, но столь было велико движеніе души его, что на силу могъ стоять! Самое богатство не придавало ему бодрости. Онъ столько же былъ боязливъ, какъ бы и въ то время, естьлибъ Аспазія имѣла еще пять тысячь фунтовъ стерлинговъ годоваго доходу; а сіе доказываетъ, что довольно добродѣтели и красоты, чтобъ быть въ надлежащемъ уваженіи. Она то легко примѣтила изъ его смущенія, и желая дать ему время оправиться, начала говорить о его путешествіи и пользѣ, которую перемѣна воздуха сдѣлала по-

видимому въ его здоровьѣ; но ничто не могло его ободрить; и какъ замѣшательство его отъ часу возрастало: то онъ всталъ, и началъ ходить скорыми шагами по горницѣ; по томъ вдругъ оборотясь къ ней, сказалъ: я бы ничего не желалъ больше, какъ только слушать васъ во всю мою жизнь; такъ, я вамъ долженъ сказать. . . . . Такъ, я долженъ сказать; наконецъ. . . . Говоря такимъ образомъ, онъ бросился передъ нею на колѣни, самымъ страстнымъ образомъ схватилъ ея руку, и просилъ сжалиться надъ нимъ, увѣряя, что ея благоволенїе можетъ сдѣлать его щастливѣйшимъ человѣкомъ; но безъ руки ея все богатство въ глазахъ его не значило ничего. Будьте великодушны божественная Аспазїя, присовокупилъ онъ: вашъ отказъ сдѣлаетъ меня нещастнымъ! Встаньте, сударь, отвѣчала она, и какъ вы меня принуждаете къ объясненїю, то знайте въ послѣднїй разъ каковы мои чувствованїя. Я говорю въ послѣднїй, потому что уже имѣла разговоръ о сей же матерїи съ вашимъ батюшкою, и увѣрена, что онъ вамъ сказывалъ о томъ. Эдуардъ, вы конечно имѣете весьма почтенныя качества и сотворены съ тѣмъ,

чтобъ

чтобъ учинить весьма щастливою жену вашу, такъ какъ и самому быть щастливымъ, владѣя ея сердцемъ; но я вамъ признаюсь, что мое сердце совершенно отвращается отъ узъ супружества; не знаю, увижуль я человѣка, которой бы могъ перемѣнить мои мысли; но до сего времени я чужда любовной страсти, да не могу упрекать себя, чтобъ и вашу страсть питала. Я бы желала напротивъ того не видать въ васъ такихъ чувствованій, которымъ я не въ состояніи отвѣтствовать. Естьли же вы думаете, что настоящее мое положеніе въ состояніи сдѣлать васъ инымъ въ моихъ глазахъ: то вы ошиблись. Я васъ увѣряю въ семъ, почитая васъ столько, что не хочу, чтобъ вы хотя минуту сомнѣвались о томъ. Сказавъ сіе, она сдѣлала ему поклонъ, и оставила его. Въ неописанномъ смущеніи вышелъ онъ изъ горницы, и увидѣвши отца своего, разсказалъ ему огорчительныя слѣдствія своего свиданія. Ричардъ утѣшалъ его; онъ увѣдомилъ о погрѣшности, которая вкралась въ брачной договоръ его брата, и чрезъ которую онъ могъ довести Аспазію до такой бѣдности, что она, не взи-

рая на свою гордость, должна будетъ сдѣлаться обходительною. Эдуардъ, будучи великодушенъ, почувствовалъ омерзенiе къ сему средству; но отецъ его ниспровергнулъ всѣ возраженiя, сказавъ ему, что какъ онъ хотѣлъ быть ея мужемъ: то возвратитъ чрезъ то сторицею отнятое. Прiятная мечта, что соединится съ Аспазiею, принудила его на все согласиться. Такимъ образомъ Ричардъ Гамбури, желая приняться за дѣло, послалъ попросить свою племянницу на часокъ въ залу; но она извинилась, что не можетъ сойти, отзываясь, что болитъ у нея голова, и что должно ей отвѣчать на письма, которыя получила изъ Лондона и Воркингтона. Сверьхъ того она просила позволенiя обѣдать въ своей комнатѣ, потому что какъ ей оставалось немного времени пробыть въ замкѣ: то хотѣла привести въ порядокъ свои вещи и дѣла. Сей отвѣтъ крайнѣ изумилъ всѣхъ; письмо полученное ею изъ Лондона, было отъ Лади Дервиль, которая поздравляла ея съ полученiемъ знатнаго имѣнiя и съ прiобрѣтенiемъ чрезъ то способовъ наслаждаться всякими веселостями; что между тѣмъ льститъ себя

на-

надеждою, что она пріѣдетъ препроводить зиму въ Лондонъ, и что сія мысль приводила ея въ восхищеніе.

Бѣдная Аспазія вздохнула при окончаніи сего письма; она взяла перо, чтобъ вывесть изъ заблужденія свою пріятельницу, и, думая, что она очень огорчится ея нещастіемъ, старалась показать себя совершенно утѣшенною о семъ приключеніи, или по крайней мѣрѣ довольною Философкою къ понесенію онаго съ твердостію

Письмо, которое получила она изъ Воркингтона, было отъ добродушнаго Доктора Бернарда. Онъ употребилъ всѣ свои силы, чтобъ ея утѣшить, увѣряя, что всевозможно будетъ стараться обнаружить весьма странное завѣщаніе ея дѣда; но что совѣтовалъ ей немедленно къ нему пріѣхать, потому что онъ не думаетъ, присовокуплялъ онъ, чтобъ могла она безопасно жить въ замкѣ. Аспазія не могла воздержаться, чтобъ не пролить слезъ при заключеніи сего письма, и чувствовала себя объятою нѣкоторымъ трепетомъ, при одномъ воображеніи о разговорѣ, которой должна была имѣть съ своимъ дядею. Она отвѣчала Доктору съ благодареніемъ за его къ ней

весьма доброе расположенїе, и сказавъ притомъ, что ея намѣренїе было выѣхать изъ замка послѣ завтра; а какъ день сей воскресной: то поѣдетъ съ начала въ церковь, а оттуда въ приготовленной для нея коляскѣ отправится въ Воркингтонъ, чтобъ переговорить съ нимъ о погрѣшности, которая нашлась въ брачномъ договорѣ ея отца; о погрѣшности, при которой ея дядя не преминетъ употребить всего ябѣднического искусства. По окончанїи письма сего она почувствовала въ себѣ довольно спокойствїя, чтобъ привести въ порядокъ то, что ей принадлежало.

Она приказала принесть всѣ свои книги, музыку и рисунки, въ одну пустую горницу, которая была возлѣ ея покоевъ; и какъ все было прибрано, то заперла дверь и положила на нее печать свою.

На другой день, которой былъ послѣднимъ днемъ ея пребыванїя въ замкѣ, она почла за долгъ въ обѣденной часъ сойти въ столовую.

ГЛАВА XX.

Отъѣздъ.

Приходъ ея произвелъ крайнее удивленіе; не льзя было ожидать такой снисходительности послѣ вчерашняго привѣтствія, и Ричардъ Гамбури, такъ какъ и сынъ его, почли сіе добрымъ знакомъ.

За обѣдомъ она была весьма услужлива; говорила безпристрастно о всякой матеріи, и сказала наконецъ своему дядѣ, что охотно переговоритъ съ нимъ на единѣ по его требованію. Марья сколько могла, старалась обижать ея дерзкими словами; но Аспазія съ тѣмъ величіемъ души, которое было ей свойственно, казалось, будто и не примѣчала того. При концѣ обѣда напомнила она дядѣ своему о разговорѣ, которой онъ долженъ былъ имѣть съ нею, прибавя къ тому, что завтра, по выходѣ изъ церкви, поѣдетъ она въ Воркингтонъ, гдѣ щитаетъ пробыть нѣкоторое время. Такъ развѣ не пріѣдете вы опять въ замокъ? вскричала услужливая Марья. Я того не знаю, отвѣчала съ холодностію Аспазія, какъ позволятъ обстоятельства. Они были бы для меня очень благопріятны, сказалъ Эдуардъ, естьлибъ вы позво-

волили мнѣ быть защитникомъ вашимъ. Любезной и почтенной дѣдъ мой, сказала Аспазія, оставилъ мнѣ немного; но къ сему немногому присоединилъ драгоцѣнную вещь, вольность въ моихъ поступкахъ.

Задумчивость, распространившаяся по лицу Эдуарда, изобличила его боязливость, чтобъ сія вольность въ поступкахъ не довела ея до того, чтобъ не дать ему своей руки. Пожалуйте, сударь, сказала она Ричарду, кончимъ наше дѣло. Я уже начала збирать все то, что могу по справедливости назвать своимъ, въ ближайшую отъ моей горницу, и надѣюсь, что вы позволите мнѣ ее запечатать. И вѣрно и конечно вскричали они всѣ вмѣстѣ. Можетъ быть, сударь, сказала Марья своему отцу, что у моей сестрицы нѣтъ денегъ: то не позволители мнѣ написать билета, по которомубъ она могла получить ихъ, сколько ей нужно. Сестрица, вскричалъ съ гордостію Эдуардъ, такія слова заслуживаютъ строгой выговоръ отъ батюшки. Естьли бы Мисъ Гамбури знала, сказала Аспазія, съ какимъ равнодушіемъ я принимаю колкія слова ея, то не взялабъ на то и труда; но какъ я при-

нуждена бытть примѣчательна къ насмѣшкамъ, противъ меня устремленнымъ, то прошу увольненія отъ всякихъ разговоровъ. Г. Гамбури можетъ писать ко мнѣ о томъ, что хотѣлъ сказать. Выговоривъ сіе, она встала съ надменностію. Эдуардъ Гамбури съ величайшею почтительностію подалъ ей руку, чтобъ проводить въ ея комнату, и, идучи туда, просилъ ея одѣлать милость не трогаться болтливостію его недостойной сестры. Между тѣмъ Аспазія, имѣя истинное желаніе кончить полюбовно всѣ дѣла съ своимъ дядею, согласилась имѣть съ нимъ особливой разговоръ, въ которомъ только лишь отказала.

Господа Гамбури находили нетруднымъ свое намѣреніе только въ отсутствіи Аспазіи. Но едва она показывалась: то благородная и добродѣтельная душа ея, уничтожала ихъ требованія, и самой Ричардъ чувствовалъ робость. Наконецъ дѣло дошло до изъясненія; сей презрительной человѣкъ осмѣлился изъявить ей желаніе соединить ея съ своимъ сыномъ. Онъ далъ ей почувствовать, что хотя былъ и неспособенъ воспользоваться правами, которыя давалъ ему законъ; однакожъ долженъ былъ ей пов-

торить, что погрѣшность, учиненная вЪ брачномЪ договорѣ ея отца, была справедлива, и что законы легко могли дать оной силу. Сіи слова поразили Аспазію, и внушили ей такія мысли, которыхЪ она до сихЪ порЪ не имѣла. Она думала, что дядя ея не сталЪ бы искать такЪ охотно для своего сына дѣвицы безЪ приданаго, естьлибЪ не находилЪ вЪ томЪ для себя выгоды; и такЪ поступки сіи имѣли по видимому то вЪ виду, чтобЪ ему безопасно владѣть захваченнымЪ имѣніемЪ. Сіе размышленіе увѣрило Аспазію, что ея положеніе было не такЪ безнадежно; и для того она ничего болѣе не желала, какЪ только быть поскорѣе вЪ Воркингтонѣ, чтобЪ посовѣтоваться сЪ добродушнымЪ ДокторомЪ БернардомЪ.

ЭдуардЪ, какЪ скоро кончилЪ рѣчь свою его отецЪ, изЪявилЪ страсть свою вЪ самыхЪ пылкихЪ выраженіяхЪ; но РичардЪ, видя чрезвычайную холодность Аспазіи, началЪ бранить его слабость. Что касается до нея, то негодуя на поступокЪ своего дяди, она встала, и пошла изЪ комнаты; но ЭдуардЪ, ставши вЪ дверяхЪ, вскричалЪ: я одинЪ здѣсь нещастливЪ, и дорого плачу за проступки другихЪ!

О прямо любимая мною Аспазія! прости меня, дражайшая Мисъ, не оставь въ семъ положеніи! Возьми жизнь мою, прими мои услуги! Что мнѣ будетъ въ богатствѣ, естьли ты не согласишься раздѣлять его со мною? Аспазія тронулась при видѣ такой любви; но то было только чувствованіе человѣколюбія. Поднявъ Эдуарда съ нѣжностію, она сказала ему: мнѣ очень жаль, сударь, что вы питаете безнадежную страсть! Но вы сами узнаете, что я въ томъ не виновата; я уже изъяснилась о томъ чистосердечно. Да будетъ сіе въ послѣдній разъ, что вы меня принуждаете сказать вамъ нѣсколько грубо, что хотя бы вы владѣли всѣми земными сокровищами, а я была бы самая бѣдная женщина: то и тогда не льзя бы мнѣ было дать вамъ своей руки, потому что я никакъ не моглабъ называть того священнымъ именемъ отца, котораго почитаю нарушившимъ всѣ родительскія обязанности. Я присовокуплю къ сему, какъ я вамъ и прежде сказала, что нахожу въ васъ доброе сердце и честнаго человѣка; а сіе заставляетъ меня желать чистосердечно, чтобъ вы могли скоро позабыть меня, и нашли щастіе, кото-

котораго я почитаю васъ достойнымъ. Сказавъ сїе, она вышла, и побѣжала запереться въ свою комнату, гдѣ нѣсколько слезъ облегчили стѣсненное ея сердце.

На другой день, когда приготовилась она ѣхать въ церковь, всѣ служители дома окружили ея, и рыдали объ ея отъѣздѣ. Она каждому изъ нихъ сказала нѣчто обязательное, и раздала имъ нѣсколько денегъ, которыя собственно ей принадлежали; она взяла съ собой одну только женщину, которая служила ей издавна. Никто изъ Гамбури не поѣхалъ съ нею въ церковь, опасаясь какой либо тамъ непрїятности; самой Эдуардъ не смѣлъ быть при ея отъѣздѣ. И такъ она прїѣхала одна въ приходскую церковь; и время, которое тамъ проводила, пронзало ея сердце тысячью мучительныхъ чувствованїй, потому что въ глазахъ всѣхъ видны были знаки величайщаго соболѣзнованїя. Наконецъ, какъ она садилась въ коляску, то увидѣла, что всѣ поселяне за нею слѣдовали, и съ трудомъ вырвалась она изъ того мѣста, въ которомъ за нѣсколько предъ симъ была толико щастлива.

ГЛАВА XXI.

Путешествіе въ Лондонъ.

Мужество и добродѣтель одни были въ состояніи подкрѣпить Аспазію въ продолженіе дороги, потому что душа ея противъ ея воли была раздираема самыми печальными размышленіями. Не смотря на то, она чувствовала необходимость собраться съ силами, не столько для себя самой, сколько для пощады чувствительнаго своего друга, о которомъ знала, что онъ болѣнъ и мучится.

Ничего достойнаго примѣчанія не приключилось съ нею въ дорогѣ, кромѣ встрѣчи съ престарѣлымъ Гринвудомъ, о которомъ мы конечно еще не забыли.

По пріѣздѣ въ Воркингтонъ, принята она была Докторомъ со всею нѣжностію добродушнаго отца. Сей бѣдной человѣкъ, будучи въ постелѣ, не въ силахъ встать, и владѣя одною рукою, употребилъ однакожъ всѣ усилія, чтобъ скрыть отъ нея прискорбное свое состояніе. А какъ разумъ его ни мало не ослабѣлъ: то говорилъ онъ объ ея дѣлахъ со всевозможнымъ жаромъ, какой только могло внушить ему защищеніе справедливаго дѣла, и увѣрялъ, что

онъ

онѣ крайнѣ сожалѣлѣ, что не былѣ вѣ то время вѣ замкѣ, какѣ Ричардѣ Гамбури усыновленѣ былѣ сѣ такими выгодами, и что, зная порочныя его склонности, онѣ не сомнѣвался, чтобѣ Ричардѣ не употребилѣ притомѣ самыхѣ гнусныхѣ средствѣ. Докторѣ предложилѣ Аспазіи посовѣтоваться сѣ лучшими адвокатами о завѣщаніи ея дѣда и о погрѣшности вѣ брачномѣ договорѣ, чему онѣ весьма не вѣрилѣ. Онѣ присовокупилѣ кѣ тому нѣжнѣйшія утѣшенія, и просилѣ ея почитать домѣ его своимѣ. Аспазія, будучи чувствительна кѣ таковой пріязни, изъявила ему свою признательность усерднѣйшими обѣ немѣ попеченіями. Она мало отходила отѣ его постели, и старалась либо разговоромѣ, либо занимательнымѣ чтеніемѣ услаждать горестное положеніе своего друга. Прошло двѣ недѣли, какѣ Аспазія писала кѣ Милади Дервиль; ея сердце было неспособно подозрѣвать ея вѣ холодности, вѣ такомѣ важномѣ случаѣ; однакожѣ не могла она понять, отѣ чего происходило ея молчаніе, развѣ отѣ болѣзни. Сія мысль причиняла ей такое безпокойство, надѣ которымѣ она не была властна; однакожѣ старалась срыть то отѣ Доктора

тора Бернарда, и показывала видъ спокойной. Первой курьеръ разогналъ ея безпокойство, привезши къ ней письмо отъ Милода Дервиль; оно было наполнено знаками живѣйшаго дружества, и поздо пришло для того, что сїя госпожа пробыла недѣлю въ деревнѣ. Милади соболѣзновала о ея участи, и просила въ нѣжнѣйшихъ выраженїяхъ прїѣхать поскорѣе къ ней, увѣряя, что домъ ея и все для нея готово; что она горѣла нетерпѣливымъ желанїемъ обнять прїятельницу младенческихъ лѣтъ своихъ; ту прїятельницу, которой одолженій не могла позабыть, ниже отплатить за нихъ.

Шарлотта и дѣйствительно такъ думала, какъ изъяснялась въ семъ письмѣ; потому что Аспазїя, лишенная всего, была гораздо милѣе ея сердцу, нежели Аспазїя, наслѣдница великаго богатства, которая имѣя и другїя преимущества, безъ сомнѣнїя была бы ея соперницею въ большомъ свѣтѣ, а можетъ быть и помрачила бы ея. Докторъ Бернардъ, читая сїе письмо, былъ столькожъ тронутъ содержанїемъ онаго, какъ и Аспазїя, и даже самъ понуждалъ ея немедленно соотвѣтствовать желанїю своей прїятельницы, увѣряя, что послѣдуетъ за нею

въ Лондонъ, какъ скоро его состоянїе позволитъ то; а между тѣмъ напишетъ письмо къ одному стряпчему своему другу съ подробнымъ описанїемъ дѣлъ ея. Аспазїя согласилась на все; ей казалось, что безъ зазрѣнїя совѣсти могла принять предложенїе Милади Дервиль; въ подобномъ случаѣ она приняла бы съ распростертыми руками свою прїятельницу, и потому думала, что доставитъ ей величайшее удовольствїе, состоящее въ томъ, когда мы другихъ дѣлаемъ щасливыми. Въ слѣдствїе того она писала къ ней, что принимаетъ ея обязательное предложенїе, и будетъ имъ пользоваться, пока пробудетъ въ Лондонѣ, и приведетъ въ порядокъ свои дѣла. По приготовленїи всего къ отъѣзду, она отправилась въ почтовой коляскѣ съ своею горничною женщиною, и на другой день въ восемь часовъ ввечеру прїѣхала въ Портманъ-Скверъ.

ГЛАВА XXII.

Ласковой прїемъ.

Лади Дервиль была еще за столомъ, и Аспазїя, не желая потревожить ея, просила

сила слугу проводить себя въ ея кабинетъ. Не прошла четырехъ минутъ, какъ услышала она голосъ любезной Шарлотты, которая спрашивала, гдѣ она была. Она побѣжала къ ней на встрѣчу; но въ первомъ движенiи отступила нѣсколько назадъ, сомнѣваясь, въ самомъ ли дѣлѣ была то ея прiятельница. Шарлотта не оставила ея въ сомнѣнiи, бросившись къ ней на шею; тогда Аспазiя обняла ее съ нѣжностiю и лице ея оросилось слезами. Шарлотта сама проливала ихъ; когдажъ прошли сiи первыя минуты, то начали онѣ подробно расказывать другъ другу все то, что случилось съ ними послѣ ихъ разлуки.

Не удивительно, что Аспазiя не узнала вдругъ своей прiятельницы; она хотя и не перемѣнилась въ лицѣ, но чрезвычайно великая шляпа съ тремя большими перьями закрывала совсѣмъ ея лице, а косынька столь высоко была поднята, что едва можно было видѣть ея подбородокъ. Аспазiя примѣтя такое излишество въ уборѣ своей прiятельницы, обѣщалась внутренно не соображаться съ тѣмъ. Что касается до нея, то она показалась Шарлоттѣ гораздо прекраснѣе. Проведши цѣлой часъ въ раз-

говорахъ, она просила ее возвратиться къ своимъ гостямъ, сказавъ, что не много устала, и желаетъ по ранѣе лечь. Шарлотта весьма желалабъ въ сей же вечеръ поѣхать съ нею въ театръ; но увидя, что Аспазіи хотѣлось остаться одной, простилась съ нею послѣ искренняго поцѣлуя. Аспазія слегка поужинала и легла въ постелю. Стукъ каретъ долго мѣшалъ ей заснуть; но утрудившись отъ пути, она заснула наконецъ крѣпко.

ГЛАВА XXIII.

Картина супружества по модѣ.

Какъ Аспазія легла за пять, или за шесть часовъ прежде Милади Дервиль: то натурально, что гораздо прежде ея встала. Она ожидала горничной своей женщины Катерины, которая ее одѣвала; но сія услышавъ отъ домашнихъ, что госпожа ихъ не прежде вставала, какъ въ десять часовъ, разсудила, что не кстати итти и къ своей. Аспазія соскучившись, наконецъ позвонила въ колокольчикъ въ девять часовъ; Катерина вошла, будучи уже довольно свѣдома о всѣхъ обстоятель-

ятельствахъ въ домѣ, которыя разсказала ей Бетти, одна изъ женщинъ Миладиныхъ. Аспазія одѣвшись, съ часу на часъ ожидала свиданія съ своею пріятельницею, и чувствуя нужду въ завтракѣ, велѣла наконецъ спросить, встала ли она. Спустя полчаса, пришелъ къ ней слуга, и доложилъ, что скоро увидитъ она свою пріятельницу.

Наконецъ онѣ увидѣлись, и поздравили другъ друга, что имѣютъ удовольствіе быть вмѣстѣ. Лади Дервиль жаловалась на жестокую боль въ головѣ; она и въ самомъ дѣлѣ весьма перемѣнилась; глаза ея были мутны, и щеки совсѣмъ поблѣднѣли. Аспазія, вспомня вчерашній здоровой ея видъ, подумала, что она конечно была тѣмъ обязана своему туалету. Она спросила у нея, не то ли ея обезпокоило, что легла такъ поздо? Вотъ хорошо! сказала, смѣючись Милади: я въ эту ночь легла гораздо ранѣе обыкновеннаго.

Завтракъ кончился, она позвонила, чтобъ пришла кормилица, желая показать пріятельницѣ дочь свою. Аспазія любила дѣтей до безумія, и потому какъ могла смотрѣть равнодушно на дочь любезной для нея особы. Дитя было со-

бою очень хорошо; она взяла его на руки и чрезмѣрно ласкала. Ахъ! сказала она, естьлибъ сїе любезное дитя мнѣ принадлежало; то замѣнялобъ мнѣ все, и служило вмѣсто оперъ и комедїи. Шарлотта смѣялась ея восторгу, и сказала ей: очень видно, что вы прїѣхали изъ деревни, хоть и я болѣе всѣхъ женщинъ въ городѣ занимаюсь своимъ робенкомъ.

Но еще есть у васъ въ домѣ такая особа, сказала Аспазїя, которой должна ты меня представить. — Ты конечно говоришь о Милордѣ Дервиль? Но это не легко сдѣлать. Онъ теперь съѣхалъ со двора, и всякой день очень занятъ, такъ какъ и я. Сегодни ввечеру повезу я тебя къ Миллади Бедингтонъ, а оттуда проѣдемъ ужинать къ Герцогинѣ Нюпортъ, гдѣ будетъ прекрасная музыка.

Какъ! въ двое гостей въ одинъ вечеръ? Ты скоро хочешь научить жить свою поселянку. Нѣтъ, сказала, смѣючись Шарлотта, я хочу постепенно прїучать тебя къ обществу, и для того поѣду одна нынѣшнимъ утромъ дѣлать визитъ; но увижусь съ тобою въ обѣденное время. Ты увидишь тогда и тѣхъ людей, которые ввечеру будутъ

намъ товарищами. Аспазія была очень довольна, что могла быть свободна поутру. Она хотѣла писать къ добродушному Доктору, и послать за стряпчимъ, къ которому имѣла письмо. Въ шесть часовъ она сошла въ гостиную, и была, представлена своею пріятельницею Лади Аннѣ Траверсъ, теткѣ Милорда Дервиля, такъ какъ и Сиръ Вилліаму Велбанку и Полковнику Говичеру, котораго знала, читая имя его въ публичныхъ Вѣдомостяхъ; потому что онъ былъ во многихъ походахъ въ Америкѣ. Лади Анна была не молода и дурна довольно, такъ что первая встрѣча съ нею была даже отвратительна; а потому не веселоль было Щарлоттѣ быть съ нею?

Сиръ Вилліамъ Велбанкъ былъ молодой свѣтской человѣкъ, хотя и не дуренъ собою, но простъ въ обращеніи. Сей Баронетъ спросилъ, когда возвратится Милордъ Дервиль, и какъ Щарлотта съ холодностію отвѣчала, что онъ ей о томъ не сказывалъ; такъ развѣ и не писалъ о томъ, сказала вдругъ съ нѣжностію Лади Анна? И вѣрно нѣтъ, продолжала Щарлотта, да я и не охотница до такихъ писемъ. Какъ я не

знаю, проживу ли четыре дни на одномЪ мѣстѣ, то былобЪ досадно, естьлибЪ пропали такія лестныя эпистолы. Сей отвѣтЪ поразилЪ Аспазїю; она вздохнула, и думала, что такїе модные поступки и разсѣянность не были вЪ состоянїи привлечь на-всегда сердце разсудительнаго мужа. ВЪ десять часовЪ доложили Милади, что лошади готовы; она посадила Аспазїю вЪ свою четвероместную карету, а прочїе поѣхали вЪ колясках.

Дорогою спрашивала она Аспазїю, не скучна ли ей кажется старая ея тетка, хотя она нѣсколько и навычна, но я должна, продолжала она, дѣлать ей учтивость, какЪ родственницѣ моего мужа; впрочемЪ она служитЪ для меня щитомЪ, подЪ которымЪ я могу приглашать мущинЪ кЪ своему столу. Меня удивляетЪ, сказала Аспазїя, вашЪ щеголеватой ПолковникЪ; я почитала его совсѣмЪ другимЪ, слыша похвалы, которыя ему приписывали. — Ты какЪ-то мудрена, жизнь моя; нѣтЪ лучше сего Кавалера. Я тебя увѣряю, что вчера ввечеру вЪ театрѣ мнѣ завидовали всѣ женщины, которыя видѣли его со мною; онЪ одержалЪ уже многія побѣды.

Я удивляюсь, что ты его не любишь: ибо не льзя тебѣ не согласиться, что онъ самой прекрасной мущина, и завидные имѣетъ поступки. Можетъ статься, сказала Аспазія; но Сиръ Вилліамъ Вельбанкъ мнѣ нравится гораздо больше. Онъ очень будетъ радъ сему предпочтенію, сказала Шарлотта; я примѣтила, что онъ все на тебя смотрѣлъ за обѣдомъ; и къ большему твоему удовольствію, онъ сего дни ввечеру конечно будетъ твоимъ Кавалеромъ. Сказавъ сіе, онѣ пріѣхали къ воротамъ Лади Бедингтонъ, гдѣ уже стояло множество каретъ. Имъ надлежало пробираться напередъ чрезъ толпу лакеевъ, чтобъ войти въ залу, которая такъ была наполнена гостьми, что не скоро добрались онѣ до хозяйки. Аспазія, привыкшая къ чистому сельскому воздуху, едва не задохнулась отъ духоты, которую производили разныя помады, благовонія и амбра, совершенной ядъ для модныхъ людей.

Лади Бедингтонъ очень жаловалась, что концертъ Герцогини Нюпортъ лишилъ ея многихъ гостей; она говорила, что залъ ея никогда не былъ такъ мало наполненъ. Аспазіяжъ напротивъ

того думала, что онъ слишкомъ былъ полонъ. Она сѣла на окошкѣ съ Лади Анною, которая не хотѣла играть. Сиръ Вилліамъ дѣлалъ имъ компанію, и забавлялъ ихъ многими анекдотами на щетъ модныхъ господъ, которые тамъ находились. Милади Дервиль сѣла играть съ Полковникомъ, и не прежде оставила игру, какъ въ полночь; она пришла очень весела къ своей теткѣ и Аспазіи, потому что выигрыла довольно знатную сумму. Послѣ сего онѣ всѣ три поѣхали вмѣстѣ въ сопутствіи своихъ Кавалеровъ въ концертъ Герцогини. Между тѣмъ, какъ они дожидались внизу своей кареты, Аспазія, которую велъ Сиръ Вилліамъ, услыщала, что спрашиваютъ карету госпожи Гамбури, и въ тожъ самое время увидѣла женщину въ глубокомъ трaурѣ, которая была еще хороша, хотя и казалась съ виду лѣтъ щестидесяти. Жаль, сказалъ одинъ молодой человѣкъ Сиръ Вилліаму, что вы заняты, а то бы былъ для васъ прекрасной случай показать себя, подавъ руку сей престарѣлой красавицѣ безъ Кавалера? Знаетели вы ея, спросила Аспазія у Вельбанка? Знаю, отвѣчалъ онъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлъ

ея

ея въ Авиньонѣ; но ваше любопытство, сударыня, заставляетъ меня думать, что вы уже слыхали объ ней. Очень много, отвѣчала Аспазія. Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, я не могу вамъ объявить, что объ ней думаю. Напротивъ того вы меня очень одолжите, отвѣчала она; я имѣю важныя причины узнать ея получше. Тогда разсказалъ онъ ей, что она имѣла двухъ сыновей отъ перваго брака; что подружившись по случаю съ старшимъ, онъ узналъ отъ него о безчестномъ поведеніи его матери и о смерти отца, купно съ ужаснѣйшими относительно къ тому подозрѣніями. Аспазія поблѣднѣла при семъ повѣствованіи. Какъ можно, сказала она, чтобъ принимали въ обществѣ такую злую женщину? Это происходитъ отъ того, что много такихъ людей, какъ Лади Бедингтонъ, которыя полагаютъ удовольствіе только въ томъ, чтобъ видѣть залъ свой полнымъ.

Сказавъ сіе, они поѣхали къ Герцогинѣ. Аспазія скоро позабыла тамъ не большее свое огорченіе. Концертъ уже начался, и госпожа Мара пѣла. Аспазія съ величайшимъ вниманіемъ слушала, и чувствительная душа ея находила тыся-

чи

чи пріятностей въ музыкѣ. Она совершенно играла на клавикордахъ и на Арфѣ; но никогда не слыхивала столь полнаго инструментальнаго концерта; и потому ощущала такое восхищеніе, какого до сего никогда не чувствовала.

По окончаніи концерта она бы охотно желала уѣхать домой; но принуждена была дожидаться окончанія пиршества, которое продолжалось до пяти часовъ утра.

ГЛАВА XXIV.

Впечатлѣніе при первомъ видѣ.

Не одинъ Сиръ Вилліамъ слѣдовалъ за Аспазіею въ продолженіе бала, и былъ тронутъ ея прелестями: она произвела всеобщее впечатлѣніе. Всѣ мущины ей удивлялись; а женщины не могли скрыть своей зависти, что она была такъ хороша; однакожъ утѣшались нѣсколько, когда услышали отъ Лэди Дервиль, что она была совершенно недостаточна, хотя и рождена была владѣть великимъ богатствомъ. Одну сію выгоду, которой цѣну знали совершенно, онѣ имѣли предъ Аспазіею. Сія мо-

лодая

лодая дѣвица такъ была встревожена, и такъ томилась при многолюдствѣ, что совсѣмъ не примѣтила, какое произвела тутъ дѣйствіе.

На другой день проведенъ вечеръ у Лади Анны, и Милади Дервиль говорила много о уборахъ, нужныхъ для маскарада, которой въ слѣдующій понедѣльникъ имѣлъ быть въ Пантеонѣ. Аспазіи очень хотѣлось, чтобъ ея отъ того уволили; горесть, которою преисполнено было ея сердце, не позволяла ей вкушать такихъ веселостей. Она даже упрекала сама себя, что гонялась за ними, хотя и безъ вкуса послѣ недавнишней своей потери; но съ другой стороны чувствовала, что должно было то дѣлать изъ угожденія Милади Дервиль, у которой жила; ибо при чтеніи книгъ, списывающихъ иногда свѣтъ, не могла не узнать, что наскучишь самымъ своимъ друзьямъ, когда долгое время будешь являть печальное лице и прискорбную душу. Но что ее утѣшало нѣсколько: то была достовѣрность, что послѣ дня рожденія Королевскаго поѣдетъ съ Милади Дервиль въ прекрасной загородной домъ, которой Милади имѣла между Гамптомомъ и Виндзоромъ. Сія госпожа напро-

противъ того не была расположена такимъ образомъ, какъ Аспазія; тишина полей казалась ей очень скучною, и она не безъ печали отправлялась въ деревню.

ГЛАВА XXV.

Герой.

При второмъ обѣдѣ у Лади Анны Аспазія познакомилась съ ея братомъ, человѣкомъ престарѣлымъ и весьма почтенныхъ качествъ; но которой былъ притомъ грубъ въ обращеніи, и говорилъ прямо, что думалъ какъ о вещахъ, такъ и о людяхъ. Сей человѣкъ очень не нравился Милади Дервиль; она опасалась его замѣчаній, и скучала старыми его мнѣніями; и такъ братъ былъ еще менѣе для нея пріятенъ, нежели сестра. но Аспазія думала иначе: Лади Анна показалась ей чувствительною и умною женщиною, а въ разговорахъ съ нею она примѣтила дружбу, которую госпожа сія къ ней имѣла. Что касается до господина Траверса, ея брата, то грубое его обращеніе перестало казаться для нея отвратительнымъ, когда услышала, что онъ по доброму своему сердцу, часто производилъ превосходныя дѣла, и естьли

ли говорилъ дурно обо всѣхъ: то никому однакожъ не дѣлалъ зла. Его разумъ и знанія дѣлали разговоръ съ нимъ столько же любопытнымъ, какъ и поучительнымъ; а сіе заставляло думать Аспазію, что она великую могла получить пользу отъ обхожденія съ нимъ. Послѣ обѣда Полковникъ Говичеръ началъ говорить о Американскихъ своихъ походахъ. Расказы его о сей кровопролитной войнѣ привели въ трепетъ Аспазію; она совсѣмъ не имѣла понятія о такомъ безчеловѣчіи. Наконецъ сказалъ онъ: я окружилъ непріятелей, жестоко устремился на нихъ; ни одинъ изъ нихъ не ушелъ, всѣ пали отъ моей руки. И вы ихъ конечно съѣли по томъ, сказалъ съ холодностію господинъ Траверсъ? Съѣли, повторилъ съ гордостію Полковникъ! Такъ, отвѣчалъ онъ, будто это болѣе странно для васъ, нежели для насъ то, чтобъ вѣрить превосходнымъ расказамъ вашимъ. Естьлибъ не ваши лѣта, вскричалъ въ сердцахъ Полковникъ, естьлибъ не ваши лѣта. . . . Государь мой. . . . О! сказалъ господинъ Траверсъ я очень вѣрю, что лѣта служатъ взаимною для насъ защитою. Но благодарю Бога, любезной другъ, что напослѣдокъ кончи-

лись

лись расказы о убивственномъ вашемъ оружїи. Кстати, возгласилъ Полковникъ, показывая, что будто болѣе не слышитъ, Лади Дервиль не сдѣлаетъ ли мнѣ чести, назначивъ день, чтобъ у меня завтракать? Но какъ въ сїе время сказано, что кареты были готовы: то она не отвѣчала на сей вопросъ, и всѣ поѣхали въ Ранелагъ. Господинъ Траверсъ волю далъ дорогою Сатирическому своему духу на щетъ бѣднаго Полковника, и обращалъ справедливыя и тонкїя о сей матерїи разсужденїя къ Аспазїи, которой очень было прїятно, что заслужила его вниманїе. Что касается до Лади Дервиль, которая сидѣла въ одной съ ними каретѣ: то она казалась очень мало была довольна такимъ разговоромъ.

По прїѣздѣ въ Ранелагъ Аспазїя почувствовала то внезапное удивленїе, отъ котораго ни одинъ чужестранецъ не можетъ удержаться, вошедши въ Ротонду; она не скрыла своего восхищенїя отъ окружавшихъ ея. Многїе скрываютъ изъ самолюбїя чувствованїе удивленїя при видѣ прекраснаго мѣста; но Аспазїя была слишкомъ для сего проста,

и

и ея прелестное лице живо изображало всегда всѣ движенія души ея.

ГЛАВА XXVI.

Встрѣча.

Сиръ Вилліамъ Вельбанкъ увидѣлъ Аспазію вскорѣ послѣ того, какъ она вошла въ залу; онъ оставилъ свою компанію, какъ скоро только ему можно было, и подошелъ къ ней. Онъ примѣтилъ съ удовольствіемъ, что хотя она окружена была многими молодыми людьми, наиболѣе въ свѣтѣ извѣстными; но казалось, что занималась только разговорами господина Траверса, которой безпрестанно при ней находился. Услужливость такого щеголя не могла его обезпокоить; но онъ чувствовалъ что не всѣ таковы, а Аспазія въ глазахъ его была самая прекрасная, прелестнѣйшая дѣвица въ свѣтѣ.

Какъ они обошли залу, то встрѣтился съ ними господинъ Клаверингъ, молодой человѣкъ изъ Графства въ Ворчестерскомъ уѣздѣ, которой видѣлъ Аспазію въ замкѣ Гамбури, и даже сватался за нее; но получилъ тогда отказъ.

Подошедши къ Аспазіи господинъ Клаверингъ, изъявилъ великую радость и удовольствіе, что видитъ ее въ Лондонѣ, и просилъ позволенія оказывать ей свои услуги въ бытность свою тамъ, присовокупивъ, что зналъ Милади Дервиль, потому что танцовалъ съ нею нѣсколько разъ. А какъ на ту пору подошла и Милади: то онъ сдѣлалъ ей привѣтствіе; а она съ своей стороны не умедлила ему объявить, что въ слѣдующую субботу будетъ балъ у нея, и что ей будетъ очень пріятно, когда онъ къ ней пріѣдетъ. Сіе приглашеніе произвело въ немъ великую радость. Сиръ Вилліамъ не былъ послѣдній въ числѣ примѣтившихъ то, и не могъ не опасаться, чтобъ онъ не былъ любовникъ, естьли непринимаемый благосклонно, такъ по крайней мѣрѣ весьма страшный какъ по своему богатству, такъ и по личнымъ своимъ качествамъ. Онъ не думалъ, чтобъ Аспазія въ настоящемъ своемъ положеніи могла съ безпристрастіемъ взирать на толь великія выгоды; а сіи мысли приводили его въ ужасное безпокойство; онъ сталъ задумчивъ и все въ глазахъ его подернулось печалію; одно его утѣшеніе состояло въ томъ,

что

что она охотно приняла его руку при своемъ отъѣздѣ. Онъ проводилъ ее до самой кареты Лади Дервиль, и пошелъ по томъ искать своей, не заходя и въ залу.

ГЛАВА XXVII.

Новое знакомство.

На другой день послѣ завтрака Шарлотта оставила свою пріятельницу и пошла въ библіотеку, чтобъ записать все то, что нужно было къ ихъ убору для понедѣльнишняго бала. Аспазія подала ей нѣкоторыя къ тому мысли, кои ей понравились; сіи приготовленія занимали весь ея разумъ; но ея пріятельница мало принимая въ томъ участія, осталась одна съ маленькою Анною, которую поручила ей кормилица, потому что робенокъ сей очень полюбилъ ее, и какъ скоро увидитъ, то ухватится своими руками за ея шею. Она сидѣла спиною къ дверямъ, и держа на колѣняхъ сію прекрасную дѣвочку, оказывала ей нѣжнѣйшія ласки. Двери безъ сомнѣнія были не притворены, потому что она не слыхала ни малѣйшаго стуку,

ку, когда незнакомой голосъ съ великою нѣжностiю произнесъ сiи слова: „О! какъ я щастливъ, что нахожу васъ въ такомъ упражненiи!„ Аспазiя поспѣшно оборотилась при сихъ словахъ, и была поражена видомъ молодаго человѣка, которой показался ей самымъ прекраснѣйшимъ, какого только видала въ жизнь свою.

Что касается до него, то онъ изъявилъ крайнее удивленiе, и поклонившись ей съ замѣшательствомъ, спросилъ ее: не въ библiотекѣль была жена его (Лади Дервиль)? Такъ сударь, отвѣчала Аспазiя, и отворивъ тотчасъ двери, позвала свою прiятельницу, сказавъ, что Милордъ прiѣхалъ.

Я было очень обманулся Шарлотта, сказалъ онъ женѣ своей, и едва не бросился къ сей дамѣ, думая, что вижу дочь свою на рукахъ ея матери. При сихъ словахъ Аспазiя подала ему дочь, и онъ поцѣловалъ ее съ восхищенiемъ. Вы видите, сказала Шарлотта, первую и лучшую мою прiятельницу; надѣюсь, Милордъ, что вы будете довольны моимъ выборомъ. А вы любезная моя Аспазiя позвольте, чтобъ я представила вамъ своего мужа; я увѣрена, что онъ будетъ

детъ столькожъ признателенъ, какъ и я за удовольствіе, которое вы доставляете намъ, рѣшившись проводить здѣсь нѣсколько времени.

По прошествіи первыхъ учтивостей, Аспазія вообразивъ себѣ, что супруги послѣ двунедѣльной разлуки имѣли много кой-чего, о чемъ переговорить между собою, попросила позволенія выйти.

Милордъ Дервиль въ самомъ дѣлѣ говорилъ довольно долго съ своею женою; но говорилъ безпрестанно о ея пріятельницѣ; онъ прилѣжно навѣдывался о ея нравахъ и разумѣ; по томъ проводилъ жену въ кабинетъ ея, гдѣ надѣялся найти Аспазію: она и дѣйствительно дожидалась тамъ своей пріятельницы.

Я нетерпѣливо желалъ, сударыня, сказалъ онъ, опять съ вами увидѣться и увѣрить васъ, сколь бы пріятно для меня было покороче съ вами познакомиться. Я побранилъ даже Милади, что такъ долго скрывала отъ меня свое благополучіе, имѣя такую пріятельницу, какъ вы. Аспазія отвѣчала съ чувствительностію на столь лестное привѣтствіе, и разговоръ между ими сдѣлался весьма пріятенъ. Лордъ Дервиль спра-

шивалъ о Лордѣ Карбери, отцѣ своемъ, и имѣлъ ли онъ честь быть извѣстенъ Мисъ Гамбури? Нѣтъ, сказала Шарлотта, еще только четыре дни, какъ находится здѣсь дорогая моя Аспазія, и не могла еще никого видѣть, кромѣ Лади Анны, которую весьма полюбила. Я не дивлюсь тому, сказалъ Милордъ, все достойное почтенія должно нравиться вашей пріятельницѣ; а моя тетка въ самомъ дѣлѣ имѣетъ превосходныя качества. Сказавъ сіе, онъ вынулъ часы свои, и изъявилъ сожалѣніе, что долженъ былъ отлучиться по причинѣ дѣлъ своихъ.

Какъ дамы остались одни, то Шарлотта спросила: ну! каковъ тебѣ показался мой мужъ? — Изо всѣхъ мущинъ, которыхъ я видала, онъ кажется самой лучшій. — Боже мой! и тебѣ такъ кажется! Правда онъ очень хорошъ; но я видаю каждой день въ обществѣ мущинъ, по крайней мѣнѣ столько же пріятныхъ. — Ты меня удивляешь, Шарлотта; какъ можно говорить съ такимъ безпристрастіемъ о своемъ мужѣ? — Но онъ бы и самъ, моя дорогая, не иначе сталъ говорить обо мнѣ. Я тебѣ лучше скажу, что въ полгода, какъ мы живемъ другъ съ другомъ мы видались очень

рѣд-

рѣдко. — Но не сказалаль ты мнѣ, что надѣялась быть очень щастлива? — Да я и имѣю все, чтобъ быть щастливою. — Какъ? не любя своего мужа, не владѣя его сердцемъ? — Какъ ты въ этомъ не опытна, моя дорогая; всѣ женщины, которыхъ ты видѣла съ прїѣзда своего сюда, не болѣе меня привязаны къ мужьямъ своимъ. Когда я писала къ тебѣ въ замокъ Гамбури: то видѣла своего мужа только одинъ разъ, и не сказала ему четырехъ словъ; распорядили все наши отцы, и сїе самое, что мы (будучи обязаны благопристойно жить вмѣстѣ) рѣдко видаемся, служитъ еще для насъ щастїемъ, чтобъ не получить съ обѣихъ сторонъ отвращенїя. — Такъ твой батюшка не совѣтовался въ семъ дѣлѣ съ твоимъ сердцемъ? — Ни мало; онъ сказалъ мнѣ, что сїя партїя была выгодна; она показалась мнѣ таковою, и я приняла ее съ удовольствїемъ. — Но до свадьбы зналаль ты нравъ Милорда? — Совсѣмъ нѣтъ; я слыхала только, что онъ былъ тихаго нраву, и имѣлъ лице, которое могло удовлетворить моему самолюбїю. Мы были однажды вмѣстѣ въ театрѣ, въ другой разъ на балѣ, и я сдѣлалась Лади Дервиль. — Какъ?

ты вышла за него, не зная, какъ онъ расположенъ къ тебѣ? — Онъ не болѣе зналъ, какъ я расположена къ нему. — Но сдѣлавшись его женою, не старалась ли ты пріобрѣсть его сердца? — Боже мой! дорогая моя Аспазія, какъ примѣтно, что ты воспитана въ деревнѣ; какъ можно надѣяться намъ, чтобъ мужья наши были страстные любовники послѣ свадьбы, по крайней мѣрѣ для меня это странно! — Но мои мысли совсѣмъ съ твоими несходны, и я не могу понять, чтобъ супружество было щастливо безъ взаимной нѣжности! — За тѣмъ-то ты, моя любезная, и обманываешься; мой примѣръ служитъ тому доказательствомъ: Милордъ и я живемъ въ наилучшемъ согласіи; онъ поступаетъ по своей волѣ, я также; никогда не имѣемъ мы споровъ, и естьли мы лишены тѣхъ прекрасныхъ чувствованій, которыя ты, какъ кажется, слишкомъ уважаешь, то по крайней мѣрѣ не имѣемъ и мученья, которое часто они причиняютъ. Какъ она выговорила сіи слова: то слуга принесъ письмецо къ Аспазіи; оно прислано было отъ господина Жамесона, того стрячаго, къ которому она отослала письмо отъ Доктора

тора Бернарда. Онъ писалъ къ ней, что ввечеру будетъ имѣть честь съ нею видѣться; и потому она сказала своей пріятельницѣ, что не можетъ съ нею сегодни выѣхать. Для чегожъ намъ не уставить, сказала Шарлотта, чтобъ не принуждать себя взаимно, для какихъ бы то причинъ не было? И вѣрно такъ, примолвила Аспазія; смѣшно бы было, когда бы узы дружества были тягостнѣе узъ супружества.

Оставшись одна, она размышляла долгое время о супружествѣ своей пріятельницы; но сколько ни думала, не могла понять однакожъ, какъ можно было взирать съ такимъ легкомысліемъ на узы толь прекрасныя, толь благородныя, учрежденныя къ составленію благополучія обоихъ половъ? Какого щастія лишаетъ себя Шарлотта? говорила она. Милордъ Дервиль прямо любезной человѣкъ; онъ чувствителенъ, уменъ. Какъ бы пріятно было стараться ему нравиться и пріобрѣсть его сердце своею нѣжностію и попеченіями? Ахъ! естьлибъ она хотѣла только, то бы онъ сталъ обожать ее. Нѣтъ, что не говори Шарлотта, но супружество не можетъ быть щастливо, когда не соеди-

нены сердца. Пусть правда, что съ такими мыслями мнѣ близко уже двадцати лѣтъ, и я еще не за-мужемъ; но я лучше хочу во всю жизнь свою остаться въ дѣвствѣ, нежели быть принужденною взирать съ равнодушіемъ на отца моихъ дѣтей.

Милордъ Дервиль, которой былъ въ Парламентѣ, по окончаніи засѣданія въ пять часовъ, пріѣхалъ обѣдать домой; онъ засталъ у себя дядю своего господина Траверса, и Сиръ Жамеса Гавлея; разговоръ сдѣлался любопытенъ и примѣчателенъ; во время обѣда онъ оказывалъ особливое и вмѣстѣ весьма почтительное отличіе Аспазіи. Она слушала всѣ его разговоры съ чувствительнымъ удовольствіемъ, и находила пріятность во всемъ томъ, что онъ ни говорилъ.

Послѣ обѣда всѣ разошлись. Шарлотта уѣхала; а Аспазія осталась одна въ залѣ, во ожиданіи господина Жамесона.

Она мало была довольна свиданіемъ съ нимъ; онъ изъяснялся очень плодовито, и примѣшивалъ къ тому всѣ приказныя выраженія. Въ заключеніежъ сказалъ, что ужъ не можно было передѣлать сдѣланнаго ея отцемъ: понеже то

было

было бы противно формѣ суда, хотя впрочемъ и очень удобно видѣть можно было, что ея дядя завладѣлъ всѣмъ несправедливо.

При концѣ разговора съ стряпчимъ Милордъ Дервиль появился въ дверяхъ залы, и спрашивалъ у Аспазіи, позволитъ ли она ему пить чай вмѣстѣ? Сіе предложеніе тѣмъ пріятнѣе для нея было, что не хотѣла ничего скрывать изъ дѣлъ своихъ отъ такого человѣка, о которомъ думала, что не подастъ ей кромѣ добрыхъ совѣтовъ, и которой изъявлялъ уже искреннее участіе во всемъ, до нея касающемся. Такимъ образомъ она расказала ему всѣ обстоятельства, при чемъ Милордъ Дервиль казалось сильно былъ тронутъ, и поговоривъ нѣсколько времени съ господиномъ Жамесономъ, сказалъ ему, что не худо бы посовѣтоваться еще съ нѣкоторыми знающими въ законахъ людьми. Стряпчей уѣхалъ, а Милордъ Дервиль проводилъ около двухъ часовъ съ Аспазіею, занимаясь безпрестанно ея участью, и желаніемъ помочь ей. Они расталисъ, будучи очень довольны другъ другомъ.

ГЛАВА

ГЛАВА XXVIII.

Инкогнито.

Въ слѣдующїй день были гости у Лади Дервиль: все было пышно и собранїе многочисленно. Господинъ Клаверингъ не замедлилъ прїѣхать, и сѣлъ подлѣ Аспазїи. Она обошлась съ нимъ учтиво; но ощутила великое удовольствїе, когда прїѣздъ Милорда Дервиля, подошедшаго къ ней, прекратилъ разговоръ, не очень для нея прїятный. Остатокъ вечера проведенъ былъ довольно весело. Послѣ завтра былъ день, назначенной для бала; Милади Дервиль провела все утро въ томъ, что перемѣняла безпрестанно уборы, въ которыхъ появиться хотѣла. Что касается до Аспазїи, то она очень мало занималась своимъ туалетомъ; бѣлое платьѣ, выложенное голубымъ крепомъ, голубаяжъ шляпка, которую сама дѣлала, и къ которой присовокупила три пера: вотъ все, въ чемъ состоялъ ея уборъ; но покрывало благонравїя, которое блистало изъ всѣхъ чертъ ея лица, давало ей верьхъ предъ всѣми женщинами. Многїя могли быть столько же прекрасны, но ни одна не имѣла сей трогательной и скромной вырази-

разительности, которая доходитъ до сердца, и одна можетъ произвести прямую любовь.

Всѣ знали, что Милордъ Дервиль неохотникъ былъ до маскерадовъ; и такъ ему не трудно было извиниться предъ дамами, что не можетъ быть ихъ товарищемъ; а сверьхъ того онъ представилъ въ свое оправданiе, что хотѣлъ увидѣться съ господиномъ Жамесономъ, и узнать, что наконецъ положено о извѣстномъ дѣлѣ.

Прiѣхавъ въ Маскерадъ, Аспазiя поражена была удивленiемъ; она никогда не воображала себѣ подобной глупости, и думала сначала, что видитъ всѣ земные народы, собранные въ сiе мѣсто: Турокъ, Китайцовъ, Индѣйцовъ; впрочемъ красота залы, освѣщенiе, богатыя платья и множество алмазовъ, произвели въ ней высокiя мысли о богатствѣ своего народа. Но слушая нѣсколько времени различные разговоры, не могла удержаться, чтобъ не воздохнуть, видя толикое число людей, созданныхъ быть разумными, предающихся удовольствiю толь безчувственному. Наконецъ, уставши отвѣчать на всѣ вопросы, ей дѣланные,

ные, она просила Лади Анну удалиться въ такое мѣсто, гдѣ не столь было многолюдно. Лади выбрала для сего уголъ залы, назначивъ его мѣстомъ свиданія, въ случаѣ когда многолюдство разлучитъ ихъ. Едва они пришли туда, какъ къ нашей Героинѣ подошелъ предвѣщатель щастія, и началъ говорить голосомъ, приличнымъ его званію. Онъ сказалъ ей, что имѣлъ зеркало, въ которомъ всякой могъ усмотрѣть себя въ настоящемъ своемъ видѣ. Берегитесь показывать мнѣ его, сказала смѣючись Аспазія, я очень пужлива, и могу быть устрашена правдивымъ вашимъ зеркаломъ. Не вѣрьте ему, сказала голубая домина, стоявшая очень близко подлѣ нея: вы можете посмотрѣться въ зеркало безъ всякой опасности, тѣмъ болѣе, что красота ваша, подобная нарцизу. . . Пріостановитесь, сказала Аспазія; съ толь малою искренностію вы не осмѣлитесь посмотрѣться въ зеркало.

Оставьте насъ, сказалъ волшебникъ; я намѣренъ сказать добрыя вѣсти сей прекрасной Мисъ, и увѣдомить ея, кого она должна убѣгать и бояться, и къ кому должна имѣть довѣренность. Пока-

жика мнѣ свою руку, любезное дитя: я скажу тебѣ удивительныя вещи.

А я, сказала голубая домина, не имѣя длинной бороды и жезла, какъ сей престарѣлой человѣкъ, могу открыть вамъ еще болѣе удивительнаго; я обращался въ сокровенныхъ наукахъ: ничто отъ меня не скрыто; и будущее мнѣ столько же извѣстно, какъ прошедшее и настоящее. Естьли вамъ будетъ угодно, любезная Мисъ, выслушать меня хотя одну минуту: то вы увидите, что мои знанія довольно обширны.

Аспазіи было весело смотрѣть на перекоръ сихъ двухъ ворожей; старшій сказалъ, что имѣетъ право говорить прежде, и другой согласился уступить ему. И такъ онъ увѣдомилъ нашу Героиню, что она имѣла много любовниковъ, которые не замедлятъ изъясниться; но что тотъ, къ которому она больше склонна была, менѣе всѣхъ былъ того достоинъ. Сіи и многія другія обыкновенныя балясы заставили сказать Аспазію, что она довольно уже наслышалась о своей участи, и не хотѣла знать больше. Какъ! сказала голубая домина, вы можете быть столь жестокосерды, чтобъ не выслушать меня; меня,

кото-

которой почитаетъ неоцѣненнымъ то щастіе, чтобъ поговорить съ вами хотя одну минуту? По томъ отведши ее нѣсколько, онъ сказалъ ей тихимъ голосомъ: Знайте, любезнѣйшая Аспазія, что я васъ видѣлъ и боготворю ваше добродушіе; сіе благословеніе, произнесенное прекрасными вашими устами въ долинѣ Эвешамской, не утратилось въ воздухѣ; сіи трогательные звуки достигли до моего сердца, и сдѣлали меня на всю жизнь вашимъ почитателемъ и другомъ. Съ какимъ великодушіемъ вы усладили горесть почтеннаго старика, въ то самое время, когда сами обременены были нещастіемъ! Ахъ! присовокупилъ онъ, прижимая руку ея къ своему сердцу, какое мужество вы показали? Какая разсмотрительность и кротость сопровождала ваши поступки? Не сомнѣвайтесь, прекрасная Аспазія, небеса примутъ на себя попеченіе о содѣланіи щастливыми дней вашихъ; они не съ тѣмъ произвели божественное твореніе, чтобъ предоставить его злополучію. — Какъ! такъ вы меня знаете, сказала она? И я не могу угадать, кто вы таковы? Мнѣ удивительно и непонятно, особливо, что вы видѣли меня

въ долинѣ Эвешамской. — Я сдѣлалъ больше, отвѣчалъ онъ; я былъ въ самомъ селенiи, облегчилъ участь добрыхъ жителей; чувствовалъ крайнее удовольствiе, слыша похвалы, отъ всякаго вамъ приписываемыя; видѣлъ мѣсто, которое было для васъ толико драгоцѣнно: хотѣлъ бы навсегда остаться въ ономъ. Аспазiя, приходя отъ часу въ большее удивленiе, просила его скинуть маску. — Не требуйте отъ меня того, чего я не могу для васъ сдѣлать. — Аспазiя, я васъ обожаю, и сiе позволительно мнѣ, пока я буду вамъ не извѣстенъ; но естьлибъ вы узнали, кто я таковъ, вы бы можетъ быть возненавидѣли меня. Конецъ сего разговора весьма смутилъ ея. Сначала думала она, что то можетъ быть Эдуардъ Гамбури, но встрѣча въ долинѣ истребила мысль сiю, потому что при ея отъѣздѣ онъ остался въ замкѣ.

Развѣ то господинъ Клаверингъ? Она бы и могла утвердиться на семъ, естьлибъ онъ не подошелъ къ ней, когда голубая домина еще не удалилась; но прошедши съ нею по залѣ, въ которое время говорили только о маловажныхъ пред-

нетахЪ, домина скрылась наконецЪ во многолюдствѣ.

ОстатокЪ ночи показался очень дологЪ для Аспазіи, и какЪ мысли ея заняты были незнакомымЪ: то она не могла имѣть ни малѣйшаго вниманія ко всему тому, что ее окружало; наконецЪ, кЪ великому ея удовольствію, маскерадЪ кончился. Она легла вЪ постелю; но сонЪ, вЪ которомЪ имѣла нужду, чтобЪ оправиться отЪ безпокойства, претерпѣннаго во время ночи, не могЪ сомкнуть глазЪ ея. Голубая домина безпрестанно представлялась ея мыслямЪ; трогательное повѣствованіе оной противЪ воли ея произвело волненіе вЪ ея сердцѣ.

ГЛАВА XXIX.

Продолженіе модныхЪ забавЪ.

И на другой день она все еще занималась тѣмЪ, расказала даже обо всемЪ Шарлоттѣ; но сія не больше угадала, кто бы такой былЪ вЪ голубой доминѣ.

ПередЪ обѣдомЪ появился СирЪ ВилліамЪ ВелбанкЪ и господинЪ ТраверсЪ сЪ двумя другими дворянами, которыхЪ

Шар-

Шарлотта тотчасъ представила своей пріятельницѣ; одинъ изъ нихъ былъ Сиръ Жамесъ Гавлей, котораго она уже видѣла, а другой Графъ Карбери, свекоръ Миладинъ. Сей последней хотя былъ уже въ лѣтахъ, но одѣтъ и убранъ, какъ надлежало быть совершенному щеголю. Черты его лица, слова и самые поступки показывали, что онъ гулялъ довольно, да и теперь еще не оставлялъ прежней забавы. Аспазія, которой таковой характеръ былъ совершенно неизвѣстенъ, возымѣла отвращеніе отъ Графа, а особливо, когда примѣтила, сколь страстно онъ смотрѣлъ на нее. Она не могла даже удержаться, вставши изъ за-стола, и оставшись одна съ Шарлоттою въ залѣ, чтобъ не сказать ей, что боялась, что никогда не будетъ въ состояніи любить Графа Карбери, хотя и знала, чѣмъ была ему обязана, какъ отцу Милорда Дервиля. О! сказала Шарлотта, онъ занятъ; но вотъ уже влюбился и въ тебя; и смертельно тебѣ наскучитъ. Что касается до меня: то я не могу не смѣяться подобнымъ сему глупостямъ, и не понимаю, какъ мужъ мой оказываетъ ему толь великое почтеніе. Я покажу тебѣ люби-

кую его Султаншу; она живетъ въ Театрѣ, и сохрани Богъ, ежели увидитъ своего Лорда подлипающаго къ тебѣ; но чтожъ намъ мѣшаетъ, тотчасъ присовокупила она, сегоднижъ ввечеру поѣхать въ Театръ; я предложу о томъ господамъ гостямъ нашимъ. А какъ они вошли на ту пору, то она и дѣйствительно сдѣлала имъ такое предложенiе. Увидѣвъ, что гости его приняли, Аспазiя сказала, что не можетъ съ ними ѣхать, потому что надобно ей написать письмо къ Доктору Бернарду. Неправда; вы можете съ нами ѣхать, сказала Шарлотта: вотъ вамъ перо и чернила, пишите, пока мы будемъ пить чай; я знаю, что вы пишете очень скоро. Аспазiя не находя никакого извиненiя, сѣла передъ маленькимъ столикомъ, которой пододвинулъ къ ней Милордъ Дервиль, и начала писать. Когда она исписала уже три страницы, то Шарлотта, примѣчавшая за нею, чтобъ сыграть шутку, сказала ей, увидя, что она складываетъ письмо, что какъ Докторъ Бернардъ былъ старой другъ ея: то хочетъ сдѣлать ему честь, и отправить письмо не менѣе, какъ за скрѣпою пера Королевства. Милордъ Карбери

бери конечно сдѣлаетъ намъ сїю благосклонность, присовокупила она. При всякомъ другомъ случаѣ Милордъ счелъ бы за великое щастїе сдѣлать что нибудь для Аспазїи; но тутъ замѣшательство его было чрезвычайно; онъ не могъ писать безъ очковъ, и ни за что бы въ свѣтѣ не согласился употребить ихъ въ компанїи.

Шарлотта знала то, и для того примолвила: вотъ прекрасное перо, Милордъ, а я буду держать свѣчку.

Дервиль весьма негодуя на такую шутку, (ибо хотя и зналъ слабость своего отца, но никогда не смѣялся) тотчасъ перервалъ продолженїе разговора, сказавъ, что надписать письмо сїе надлежало ему, потому что Аспазїя сдѣлала честь, избравъ для житья себѣ его домъ. Онъ кинулъ по томъ весьма строгой взоръ на Шарлотту, которая однакожъ мало то уважала, и предложила ѣхать въ Театръ. Было уже поздо, какъ они прїѣхали. Она посадила Милорда Карбери подлѣ Аспазїи, не опуская изъ виду похвальнаго намѣренїя забавляться на его щетъ, и мало заботясь о скукѣ, которую причиняла чрезъ то своей прїятельницѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ скука была

чрезвычайная: ибо хотя и находился позадь ея Милордъ Дервиль; однакожъ тѣмъ не менѣе мучилъ ея старый Лордъ любовными своими разговорами, произнося ихъ тихимъ голосомъ. Неопытность ея и скромность дѣлали весьма мучительнымъ ея положенiе. Всякая другая женщина, съ меньшимъ разумомъ, но больше зная свѣтъ, легко бы освободилась отъ безпокойства; что касается до бѣдной Аспазiи, то она не смѣла и глазъ поднять ни на Милорда Дервиля, ни на другихъ. Сиръ Виллiамъ Велбанкъ, и Сиръ Жамесъ Гавлей огорчились очень, что докучливость стараго Лорда лишала ихъ удовольствiя быть подлѣ нея. Но что надлежитъ до господина Траверса, которой видѣлъ ея жестокое положенiе: то онъ не замедлилъ сказать, что жаръ такъ былъ великъ, что онъ опасался, не вредно ли то Мисъ Гамбури, потому что видѣлъ частыя перемѣны въ ея лицѣ. Она и въ самомъ дѣлѣ еще покраснѣла при сихъ словахъ; но взглянувъ съ признательностiю на господина Траверса, сказала ему: нижайше благодарю за ваше вниманiе; я въ самомъ дѣлѣ не очень здорова, и желалабъ быть на вольномъ воздухѣ. Тотчасъ

часъ всѣ встревожились, и каждой казалось безпокоился о ея состоянiи. Милордъ Дервиль безъ дальнихъ размышленiй подалъ ей руку, и она вышла изъ ложи въ провожденiи господина Траверса. Что касается до стараго Лорда, то онъ не осмѣлился послѣдовать ихъ примѣру: Султанша его, сидѣвшая напротивъ, безпрестанно смотрѣла на него съ самаго прiѣзда, и онъ боялся ея замѣчанiй. Аспазiи такъ прiятны показались разговоры Господина Траверса и нежныя услуги Милорда Дервиля, что она и не думала о возвращенiи въ ложу; ей бы не хотѣлось также пойти въ десертную залу къ Шарлоттѣ, но сего сдѣлать было не льзя; и такъ подъ конецъ Театральной игры она пошла туда, хотя и не безъ великаго труда, потому что многолюдство было чрезвычайно. Она увидѣлась съ Милади Дервиль, занятою разговоромъ съ Полковникомъ Говичеромъ. Всякой освѣдомлялся о ея здоровьѣ, и на перерывъ подносилъ ей прохлодительныхъ напитковъ и закусокъ, выбирая которые получше, что явно показывало, какое дѣйствiе производили въ нихъ красота ея и поступки. Иная женщина возгордилась бы отъ толь мно-

гихъ почестей; но Аспазія принимала ихъ съ свойственною ей благодарностію.

Лордъ Дервиль спросилъ между тѣмъ, гдѣ былъ его отецъ. Мы его не видали, отвѣчала Шарлотта; но судя по страшнымъ взглядамъ его Султанши, я очень увѣрена, что онъ испугался ихъ, и пошелъ къ ней въ намѣреніи, какъ возможно примириться съ нею. Я бы очень желалъ, сказалъ ея мужъ, чтобъ вы не такъ далеко простирали свою нескромность, а особливо въ разсужденіи отца моего. — Это очень трудно, отвѣчала она, глупость вездѣ, гдѣ я ни встрѣчаю, побуждаетъ меня къ смѣху. Господинъ Траверсъ, которой взялся судить цѣлой свѣтъ, не худо бы сдѣлалъ, когда бы далъ ему нѣсколько уроковъ. Не правда, предпріялъ онъ; я почитаю уроки полезными только для молодыхъ, которые получивъ отъ того нѣкоторое просвѣщеніе, могутъ исправиться. Но онъ въ такихъ уже лѣтахъ, гдѣ все укоренилось, и гдѣ ничего не льзя произвести. прибытіе каретъ перемѣнило разговоръ, и остатокъ вечера прошелъ очень хорошо.

Въ слѣдующей главѣ читатель увидитъ обстоятельное изображеніе Лорда Карбери; оно конечно не будетъ отъ

шого пріятнѣе, что читатель узнаетъ получше Лорда; но оно нужно въ последствіи нашей исторіи.

ГЛАВА XXX.

Изображеніе моднаго человѣка.

Графъ Карбери получилъ весьма худое воспитаніе. Лишившись матери на пятомъ году своей жизни, онъ порученъ былъ наставнику, человѣку глупому и вѣтреному, которой любилъ женщинъ, а особливо распутство и лицемѣріе; но умѣлъ прикрывать свои поступки, и не считалъ безсовѣстнымъ дѣломъ познакомить своего питомца съ любимыми своими склонностями. Графъ на осмнатцатомъ году своей жизни лишился отца, и чрезъ то сдѣлался владѣтелемъ великаго имѣнія. Онъ продолжалъ итти путемъ, начертаннымъ отъ его наставника; и въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ многіе возвращаются отъ своихъ заблужденій, онъ погрузился въ нихъ еще болѣе, и скоро сдѣлался игралищемъ женскаго пола, которымъ самъ игралъ въ свою очередь. Онъ женился однакожъ на дѣвицѣ весьма любезной,

и которая въ разсужденіи превосходныхъ свойствъ своихъ, могла ожидать любви отъ своего мужа; но Милордъ Карбери показывалъ ей одну холодность и безпристрастіе. Онъ имѣлъ отъ нея одного сына, и сей сынъ есть Милордъ Дервиль, которой воспитанъ былъ въ глазахъ своей матери; она тщательно скрывала отъ него худое поведеніе Милорда, какъ потому, что боялась, чтобъ примѣръ сей не былъ для него опасенъ, такъ и для того, чтобъ не истребить въ немъ чувствованій сыновней горячности. Въ слѣдствіе того молодой Дервиль изъявлялъ столько же преданности къ своему отцу, какъ и къ матери, и сей гордился своимъ сыномъ; онъ любилъ его чрезмѣрно, и сей только предметъ привлекалъ его иногда домой. Трудно сказать, какая страсть имъ болѣе владѣла; женщины, лошади, азартныя игры, занимали равномѣрно его время, развѣ только сельская какая красавица пріостановляла его взоры и онъ употреблялъ тогда всѣ средства, чтобъ обольстить ея; но едва получалъ ея во власть свою, какъ уже наскучивъ, оставлялъ ея, чтобъ сыскать другую. Одна его заслуга была та, что не вну-

шалъ въ сына своего своихъ склонностей; онъ предоставилъ полное попеченіе о его воспитаніи Милади Карбери, которая то и заслуживала. Сія нѣжная мать почитала себя щастливою, находя въ любезномъ сынѣ хорошія качества; она думала, что его поступки утѣшатъ ея въ печали, которою часто терзалось ея сердце при видѣ поведенія ея мужа; и для того никогда не могла взглянуть на молодаго Графа безъ особенныхъ знаковъ внутренняго умиленія.

Онъ достигъ осьмнатцати лѣтъ, и продолжалъ составлять благополучіе и славу нѣжной матери, какъ въ одинъ день встрѣтился съ такимъ человѣкомъ, которыхъ называютъ у насъ молодцами, а иногда величаютъ и титломъ плута; сей человѣкъ хотя и не имѣлъ ничего, однакожъ тѣмъ не менѣе игралъ роль въ большемъ свѣтѣ. Познакомившись съ молодымъ Графомъ, и разговорившись однажды о скачкѣ и лошадяхъ, онъ показалъ ему продажную лошадь, которая, какъ онъ говорилъ, была столько же статна, какъ и добра, но цѣна за нее была нѣсколько высоконька; онъ хотѣлъ однакожъ прислать ее къ нему на нѣкоторое время для пробы, съ такимъ условіемъ,

что естьли молодой Графъ не согласится послѣ того купить ее, то бы прислалъ назадъ, съ нѣкоторымъ договорнымъ за простой числомъ денегъ. Молодой Графъ весьма желая имѣть у себя хорошую лошадь, согласился на все: лошадь привели, но какъ онъ ѣздивши на ней нѣсколько разъ, увидѣлъ, что она ни мало не стоитъ требуемой цѣны: то рѣшился отослать ее назадъ съ заплатою за простой. Человѣкъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, носилъ военной мундиръ, хотя и ни мало того не заслуживалъ. Не имѣя у себя ни полушки, онъ вздумалъ, что легко можетъ поживиться отъ молодаго Графа; и для того отписалъ къ нему, что будто бы онъ не устоялъ въ своемъ словѣ, отославъ къ нему такъ скоро назадъ его лошадь, тѣмъ болѣе, что она не имѣла ни одного изъ тѣхъ недостатковъ, которые разсудилъ онъ найти въ ней. Молодой Графъ, разгоряченный тѣмъ, отвѣчалъ съ жаромъ на сїе письмо; Капитанъ послалъ отвѣтъ на отвѣтъ, и такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ много писано было писемъ, въ которыхъ продавецъ имѣлъ по видимому справедливую причину жаловаться. Въ за-

ключеніе писалъ онъ къ молодому Дервилю, что естьли не пришлетъ къ нему тотчасъ требуемой цѣны за лошадь: то онъ помѣститъ въ публичныхъ Вѣдомостяхъ общія ихъ письма, и что свѣтъ будетъ судить тогда, приличенъ ли его поступокъ дворянину. Молодой Графъ, раздраженный тѣмъ, помышлялъ объ отмщеніи; но наконецъ хотѣлъ посовѣтоваться съ любезною матерью, чтобъ увѣриться, что его чувствованія были справедливы. Онъ не думалъ однакожъ увѣдомить ее о томъ, что намѣревался сдѣлать, хотя и расположился принять всѣ средства, которыя она ему предложитъ, толькобъ они согласны были съ честью. Но какъ онъ удивился, когда выслушавъ все дѣло, она сказала ему: сынъ мой, хотя ты и ни мало тутъ не виноватъ; но имѣя дѣло съ обманщикомъ и лживымъ человѣкомъ, не можешь въ защищеніе себя представить довольныхъ противъ него доказательствъ. Заплатить за лошадь значило бы показать трусость, и такъ надлежитъ тебѣ биться (*); ты вступилъ уже въ

свѣтъ,

(*) Въ самомъ дѣлѣ удивительно, что нѣжная мать, горячо любившая своего сына,

свѣтъ, и такъ надобно тебѣ показать свое мужество: страшно безъ сомнѣнія биться съ такимъ человѣкомъ; но посуди, какъ это не обходимо, когда самая мать тебѣ совѣтуетъ! — Сей совѣтъ такъ былъ сходственъ съ мыслями молодаго Графа, что онъ не могъ ему не послѣдовать; и для того тотчасъ послалъ

на, могла присовѣтовать ему биться, и за чтожъ? за лошадь, или лучше сказать за пустую химеру, за ложной призракъ чести, не разсуждая о слѣдствіяхъ, которыя для ней произойти могли, и дѣйствителвно произошли! Развѣ въ томъ состоитъ благородство духа, которое долженъ имѣть всякой, по рожденію своему благородной, чтобъ за самую бѣздѣлку, иногда во преки доброму сердцу и только изъ угожденія предубѣжденному свѣту, убивать подобнаго себѣ? Не лучше ли и не сходственнѣе ли съ правами человѣчества прощать обиды, или, когда не можешь пересилить внутренной гордости, стараться избѣгать подобныхъ случаевъ, въ которыхъ ложной истуканъ твоей чести посрамленъ быть можетъ? — Слава Богу, что въ нашемъ отечествѣ рѣдокъ таковой предразсудокъ, сродной Агличанамъ, и даже запрещенъ мудрыми законами. — Примѣч. Переводчика. —

slal вызов къ Капитану; час и мѣсто избрала Милади Карбери, которая сверьхъ того желала, чтобъ братъ ея (Г. Траверсъ) былъ свидѣтелемъ сраженія. Сынъ ея поѣхалъ, и она простилась съ нимъ съ такою твердостію, которая возвышала ее въ сію минуту превыше ея пола; но натура не теряетъ правъ своихъ, и хотя сія чувствительная мать утѣшилась при возвращеніи своего сына, которой получилъ только легкую рану на поединкѣ; однакожъ страхи, претерпѣнные ею въ краткое отсутствіе сего любезнаго сына, произвели въ ней толь сильное дѣйствіе, что вскорѣ здоровье ея очень повредилось; ея состояніе отчасу становилось хуже, и менѣе, нежели въ два мѣсяца, продолжительная лихорадка довела ее до гроба.

Лордъ Дервиль пораженъ былъ столь сильною печалію о смерти сей нѣжной матери, что не могъ остаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ толико испыталъ ея милостей и нѣжности. Для сего онъ просилъ позволенія у Милорда Карбери начать свои путешествія, и сей тѣмъ охотнѣе на то согласился, чѣмъ болѣе чувствовалъ, что благоразумное поведеніе

денie его сына, было безпрестанною на него Сатирою.

ГЛАВА XXXI.

Печаль.

Аспазiя очень безпокоилась, что не получала писемъ отъ почтеннаго своего друга Доктора Бернарда; она чувствовала, что не въ такомъ находилась состоянiи, какое приличествовало ея обстоятельствамъ, и желала бы, чтобъ оно рѣшилось, дабы потому расположить жизнь свою; ибо жизнь посреди изобилiя и безпрестанныхъ забавъ, между тѣмъ какъ она не могла надѣяться имѣть хорошую участь, какъ могла не умножить ея прискорбiя, тѣмъ болѣе, что публичныя Вѣдомости въ такомъ большомъ городѣ, каковъ Лондонъ, ежедневно гласили о какомъ нибудь нещастномъ, и возбуждали все ея сострадание. Ей не возможно было при всемъ томъ не искать нещастныхъ; она дѣлала для нихъ все то, что могла, и когда кошелекъ ея бывалъ пустъ: то брала прибѣжище къ Милорду Дервилю, которой по своему добродушiю всегда предупре-

упреждалъ ея прозьбы. Разсудокъ ея сказывалъ ей, что не можно быть щедру свыше своего достатка; но не смотря на то, душа ея занималась безпрестанно благодѣтельными помышленїями. Подобно Титу она считала потерянными тѣ дни, въ которые не могла отерешь слезъ нещастному, или усладить горесть не имущаго.

Въ одно утро, какъ она была въ комнатѣ у Шарлотты, а Милордъ Дервиль сидѣлъ подлѣ нея: то принесли къ ней письмо. Не зная руки на подписи, она развернула его очень скоро. Но едва начала читать, какъ перемѣнилась въ лицѣ, и слезы полились по щекамъ ея. Боже мой! вскричалъ Лордъ Дервиль, какое печальное извѣстїе вы получили? Увы! сказала она, я лишилась друга, наилучшаго друга, и могу сказать одного, которой оставался у меня на землѣ. Произнесши слова сїи, она положила письмо на столикъ, подлѣ нея находившейся, и встала, чтобъ скрыть свои слезы.

Шарлотта, сказалъ Милордъ, не позволишь ли ты мнѣ увѣрить Мисъ Гамбури, что въ твоемъ мужѣ она всегда будетъ имѣть друга и защитника? Такъ любезная Аспазїя, продолжалъ онъ, взяв-

ши ея руку, повѣрьте, что я на всю жизнь свою вамъ преданъ. Шарлотта съ своей стороны также подошла къ ней, и посадивъ ее, обняла съ нѣжностію. Любезнѣйшій другъ, сказала она, какое новое нещастіе съ вами случилось?

Извините меня друзья мои, отвѣчала Аспазія, что я предаюсь столько печали. Увы! мнѣ бы надлежало уже приготовиться къ понесенію сего нещастія, и однакожъ оно чувствительно меня трогаетъ. Дражайшая Шарлотта, нашего добраго Доктора нѣтъ болѣе; на другой день по полученіи послѣдняго письма моего, его въ другой разъ ударилъ параличь, и онъ лишился жизни. Сколько я ему обязана! достопочтенный человѣкъ! Онъ хотѣлъ даже сдѣлать меня единственною своею наслѣдницею. Милордъ Дервиль, взявши письмо, началъ вслухъ читать его. Оно писано было клюшницею, старою и вѣрною служанкою, которая оплакивала нещастіе, что лишилась добраго своего господина. Она увѣдомляла, что наканунѣ удара, чувствуя нѣсколько силъ, онъ намѣревался ѣхать въ Лондонъ, чтобъ помочь Аспазіи въ ея дѣлѣ; и что передъ тѣмъ уничтоживъ свою духовную, сдѣлалъ другую

гую, (въ которой и ей опредѣлялъ довольное число денегъ) отдавая все Мисъ Гамбури, потому что не много имѣлъ родственниковъ, да и тѣ всѣ были зажиточны; но что по нещастїю, какъ понесли духовную для законной скрѣпы къ Нотарїусу: то господинъ ея, пораженный вновь параличемъ, какъ молнїею, лишился всѣхъ чувствъ, и вскорѣ по томъ скончался. Аспазїя тотчасъ отписала къ сей доброй старушкѣ, увѣдомляя, какое принимала участїе въ ея печали, и что естьли обстоятельства ея поправятся: то она могла на вѣрное полагаться, что до конца своей жизни ни мало не будетъ оставлена. Въ семъ мѣстѣ письма вошелъ Лордъ Дервиль, и просилъ позволенїя вложить въ письмо банковой билетъ на дватцать гвиней, присовокупляя, что она могла увѣрить госпожу Гусинсъ, что каждой годъ будетъ получать по стольку же. Аспазїя смотрѣла на него въ молчанїи: нѣжная душа ея не могла изобрѣсти выраженїй, до какого степени она тронута симъ добрымъ дѣломъ; наконецъ вскричала она: о какъ похвальны таковыя чувствованїя! Кто былъ когда нибудь великодушнѣе Милорда? Естьлибъ

я могъ, отвѣчалъ онъ, удалить отъ васъ и малѣйшее безпокойство, какъ бы я щастливъ былъ тогда! Вы мнѣ сдѣлали величайшее удовольствіе, сказала Аспазія, потому что я не сомнѣваюсь, чтобъ сіи деньги не облегчили участи бѣдной старушки. Что касается до Милорда, то онъ никогда не дѣлалъ подарка, которой бы былъ для него пріятнѣе. Все то, что его могло возвысить въ глазахъ сей прелестной дѣвицы, казалось ему неоцѣненнымъ щастіемъ.

Шарлотта съ своей стороны весьма убѣдительно ея просила, чтобъ жила съ нею до окончанія своего дѣла. Ты мнѣ окажешь чрезъ то величайшую услугу. Мы скоро поѣдемъ въ деревню, и я увѣрена, что страшнымъ буду подвержена вапорамъ (*), ежели тебя не будетъ со мною.

Аспазія согласилась охотно на ея прозьбу. Да и въ самомъ дѣлѣ она не могла принять никакого намѣренія, не узнавши, что ей приведется изъ имѣнія ея дѣда. Графъ Карбери присылалъ человѣка освѣдомиться о здоровьѣ Мисъ Гам-

(*) Пары, которые изъ желудка въ голову входятъ.

Гамбури; но самъ не смѣлъ показаться. Его Султанша, какъ Шарлотта и справедливо думала, взяла подозрѣніе, увидѣвъ въ Театрѣ, какъ подлипалъ онъ къ сей молодой красавицѣ; и хотя въ замѣну того онъ подарилъ ей вновь знатное число денегъ и драгоцѣнныхъ вещей; однакожъ сего не довольно было для ревнивой женщины, сдѣлавшейся его повелительницею. Она взяла съ него клятву, что не пойдетъ къ своему сыну, пока пробудетъ у него Аспазія. Но старой Лордъ, не смотря на сію клятву, не могъ удержаться отъ того, и рѣшился не показываться только съ Аспазіею въ Публикѣ, дабы избѣжать замѣчаній своего дракона. Влюбившись слишкомъ въ первую, онъ не могъ не чувствовать, сколь тяжелы были оковы другой; но привыкши повиноваться издавна, не могъ найти способа, какъ бы отъ того освободиться. Не прошло еще недѣли, какъ онъ рѣшился увидѣться съ красавицею, которою одною занимался; и потому прибравшись щегольски, поѣхалъ въ *Портманъ Скваръ*. Онъ нашелъ тамъ господина Клаверинга, и не пробылъ пяти минутъ въ комнатѣ, какъ примѣтилъ, что и онъ страстно влюбленъ

въ Аспазію. Сія прелестная дѣвица видалась съ нимъ; но осторожные его поступки препятствовали ей безпокоиться: она бы хотѣла однакожъ увѣрить его, что его старанія безполезны, и что она не болѣе прежняго расположена дать ему свою руку; напротивъ того чувствовала отвращеніе отъ супружества, которое отчасу возрастало. Дружество Милорда Дервиля одно наполняло все ея сердце, и притомъ такимъ образомъ, что она и желать не могла, чтобъ кто возъимѣлъ къ ней любовную страсть. Сверьхъ того сравнивая Дервиля съ другими, она едва могла вѣрить, чтобъ они были одинакого съ нимъ существа. И такъ, хотя она и отъ природы была обходительна и тиха; однакожъ не могла удержаться, чтобъ не показать холодности къ господину Клаверингу, а еще болѣе къ Графу Карбери, котораго волокитство было ей несносно. Принялись за карты; она сѣла играть въ вискъ съ Лордомъ Дервилемъ, господиномъ Клаверингомъ и Сиръ Жамесомъ Гавлеемъ. Сей послѣдній былъ молодой, весьма любезной человѣкъ, и исполненной превосходныхъ качествъ; а потому очень выигралъ въ мысляхъ Аспазіи. Къ тому

мужЪ имѣлЪ еще другое достоинство вЪ глазахЪ ея: онЪ былЪ другЪ Милорда Дервиля. По окончанїи игры разговорившись сЪ симЪ ЛордомЪ, она не скрыла отЪ него, что исканїя относительно кЪ ней, обнаруживаемыя нѣкоторыми изЪ гостей, были для нея чрезвычайно тягостны; что она не думала поступками своими подать причины кому нибудь надѣяться отЪ нея взаимной склонности, и была бы щастлива, естьлибЪ они повѣрили ей, что сердце ея кЪ нимЪ ко всѣмЪ безпристрастно, и что она весьма далека отЪ того, чтобЪ помышлять о замужствѣ. МилордЪ Дервиль выхваливЪ ея откровенность, примолвилЪ кЪ тому, что опасался, чтобЪ она не сдѣлала нещастными всѣхЪ тѣхЪ, которые бы ни имѣли случая узнать ея.

ГЛАВА XXXII.

Тщетная надежда.

На другой день господинЪ КлаверингЪ весьма рано прїѣхалЪ кЪ Милорду Дервилю сЪ прозьбою о заступленїи предЪ МисЪ Тамбури; онЪ не скрылЪ отЪ него ни своей любви, ни желанїя о соединенїи

нїи съ нею своей участи. А я бы съ моей стороны думалъ, сказалъ ему Дервиль съ учтивостїю, что вамъ надобно удалить отъ себя всѣ сїи мысли для вашего покоя. Судя по откровенымъ Аспазїи со мною разговорамъ, я могу увѣрить васъ, что она ни мало не желаетъ вступить ни въ какое обязательство. Да я бы никакъ и не возобновилъ своихъ исканїй, отвѣчалъ господинъ Клаверингъ, естьлибъ не перемѣнились щастливыя ея обстоятельства. Все сїе не потому однакожъ, чтобъ нещастное приключенїе унизило ее въ глазахъ моихъ; напротивъ того оно придаетъ новой блескъ ее достоинствамъ и прелестнымъ свойствамъ; но для чего бы мнѣ не ласкаться, что въ настоящемъ своемъ положенїи она благопрїятно поступитъ съ тѣмъ, которой для того только жить хочетъ, чтобъ сделать ее щастливою? Таковыя чувствованїя заслуживаютъ награды, сказалъ Милордъ Дервиль, и многїя женщины были бы ими тронуты; но позвольте сказать вы не знаете Аспазїи: ея благородная и великая душа не можетъ быть подвигнута обыкновенными средствами. Я не скажу, чтобъ она презирала богатство ибо ни-

кто не знаетъ столько выгодъ съ нимъ сопряженныхъ, и никто не можетъ сдѣлать лучшаго употребленія; но совсѣмъ тѣмъ оно будетъ послѣднею вещїю, которая можетъ привести ее къ рѣшимости. Аспазїя никогда не отдастъ своей руки безъ своего сердца. Но гдѣ найти человѣка, которой бы былъ ея достоинъ, заключилъ онъ, воскликнувъ съ жаромъ! — Клаверингъ призналъ справедливость его замѣчаній; но для меня время, сказалъ онъ, никогда не покажется слишкомъ продолжительнымъ, естьли только я могу наконецъ имѣть въ виду то щастїе, то блаженство, чтобъ быть навсегда соединену съ нею.

Да и какъ возможно, присовокупилъ онъ, любивши Мисъ Гамбури, устремить свои желанія къ другому предмету? А сїе-то я вамъ и совѣтую сдѣлать, сказалъ Дервиль. Безъ сомнѣнія легко бы было пожертвовать половиною своей жизни, естьлибъ только можно было надѣяться проводить другую съ симъ божественнымъ творенїемъ; ибо, какъ говоритъ одинъ писатель: „ коль сладостны тѣ утѣхи, которыя раждаются отъ долговременнаго желанія! „ Однакожъ въ семъ случаѣ я не могу вамъ

инаго присовѣтовать, какъ только отстать отъ вашего исканія, будучи твердо увѣренъ, что оно будетъ тщетно и кончится тѣмъ, что вы лишитесь удовольствія видѣть Аспазію. Не лучше ли сохранить ея почтеніе и дружбу, коими одними не льзя наслаждаться безъ завистниковъ?

Разговоръ тутъ кончился, и Милордъ оставшись одинъ, занялся своими чувствованіями. Онъ ощущалъ истинное удовольствіе, когда представлялъ себѣ, что его молодая пріятельница не отдавала никому преимущества, и что, будучи чувствительна къ его стараніямъ и нѣжности, не имѣла по видимому пріятнѣе тѣхъ минутъ, которыя она проводила вмѣстѣ съ нимъ. Что касается до него, то онъ не находилъ большаго благополучія въ свѣтѣ, какъ то, чтобъ каждой день ея видѣть, и наслаждаться ея повѣренностію.

ГЛАВА XXXIII.

Безотвязный.

Милади Дервиль сдѣлалась не здорова, и получивъ даже лихорадку, принуждена была не выходить изъ горницы. Мужъ

не оставлялъ ее, и вмѣстѣ съ Аспазїею употреблялъ свои старанїя, чтобъ ей не было скучно. Сїя усердная прїятельница ходила за нею весьма ревностно, и когда примѣчала, что ей лучше: то пѣла и играла на *фортепїано*, чтобъ ее развеселить, а Милордъ Дервиль читалъ имъ по вечерамъ какую нибудь книгу. Но все сїе не могло предохранить Милади Дервиль отъ скуки. Уединенїе было для ней несносное дѣло; и для того она исполняла все то, что ни приказывалъ ей Докторъ, дабы тѣмъ скорѣе быть въ состоянїи предаться опять своей разсѣянности. Что касается до Милорда, то онъ никогда не проводилъ недѣли столь весело и прїятно, какъ сїю. Обхожденїе съ Мисъ Гамбури, которымъ онъ наслаждался ежеминутно, отчасу болѣе заставляло его чувствовать всѣ ея достоинства. Она съ своей стороны столько нашла въ сїи дни добродушїя въ Милордѣ и столь великое сходство во вкусахъ и чувствованїяхъ, что дружбу его почитала такимъ сокровищемъ, котораго одного довольно къ ея благополучїю. Находясь въ такихъ сладкихъ для нея мысляхъ, она расположилась, по окончанїи дѣлъ своихъ

ихъ удалиться въ небольшую деревню, чтобъ тамъ, пользуясь всегдашнимъ почтенiемъ Милорда Дервиля, жить съ большею прiятностiю, нежели въ свѣтѣ. Ея разумъ и дарованiя не допустили бы никогда, чтобъ овладѣла ею скука. Не имѣя желанiй и страха, она проводила бы дни свои въ тишинѣ и безопасности; ибо говорила она, я никогда не пойду за мужъ, потому что не возможно, чтобъ существовалъ еще человѣкъ, подобной Милорду.

Какъ Шарлоттѣ стало лучше, и она примѣтно скучала своимъ уединенiемъ: то мужъ предложилъ ей принимать къ себѣ нѣкоторыхъ особъ. Въ числѣ сихъ была Лади Анна и Сиръ Жамесъ Гавлей, но они не могли развеселить Шарлотты: она любила только людей живущихъ по модѣ. Шумная жизнь одна казалась ей прiятною; а Сиръ Жамесъ столько походилъ на ея мужа, что никакъ не могъ ей показаться. Онъ былъ, такъ какъ и Милордъ Дервиль, тихъ, остороженъ и остроуменъ; согласiе въ ихъ характерахъ простиралось и на сердца, потому что Аспазiя произвела въ нихъ равномѣрное впечатлѣнiе. Сей молодой человѣкъ началъ

льстить себя надеждою, что ей понравится; и в сей надеждѣ тѣмъ болѣе былъ подкрѣпляемъ, что Мисъ Гамбури, будучи отъ природы ласкова ко всѣмъ, еще болѣе оказывала благорасположенія къ тому, котораго почитала искреннимъ другомъ Милорда Дервиля.

Однажды послѣ обѣда, какъ Аспазія сидѣла одна съ свою пріятельницею, то сказано было, что пріѣхалъ Графъ Карбери. Шарлотта, умиравшая со скуки при его разговорахъ, вздумала оставить его одного съ нашею Героинею, представляя себѣ, какъ онъ обрадуется сему случаю, чтобъ изъявить ей нѣжныя свои чувствованія; и какъ сія мысль чрезвычайно ей понравилась: то она сказала нарочно, что ей надобно написать письмо, и ушла изъ комнаты. Едва она вышла, какъ Графъ, не могши воздержать своего жару, бросился къ ногамъ Аспазіи. Въ первомъ движеніи едва она не засмѣялась при столь чрезвычайномъ восторгѣ; но когда онъ схватилъ ея руку, которую покрывалъ поцѣлуями, когда началъ объявлять страсть свою въ весьма вольныхъ выраженіяхъ, клянясь, что естьли она ему не подастъ нѣсколько надежды: то отчаяніе сдѣ-

лаетъ его ко всему способнымъ: тогда она столькожъ испугалась, какъ и оскорбилась таковымъ поступкомъ. Она встала и съ гордымъ видомъ сказала ему, что не могла болѣе его слушать, и для того просила, чтобъ онъ вышелъ изъ комнаты; а не то она сама выдетъ. Тогда почувствовавъ, что былъ еще не такъ близокъ въ любви своей, онъ старался успокоить ее, и просилъ униженно прощенія, умоляя, чтобъ она сжалилась надъ его состояніемъ, и повѣрила, что вся вина его происходила отъ любви, какой никто не чувствовалъ. Она отвѣтствовала ему, что охотно забудетъ произшедшее; но съ такимъ условіемъ, что онъ никогда болѣе не будетъ говорить ей о своихъ чувствованіяхъ, и позволитъ ей въ сію же минуту пойти къ Милади Дервиль. Онъ принужденъ былъ на то согласиться, и вышелъ изъ дому въ великомъ уныніи о худомъ успѣхѣ; но предполагая твердо употребить все, чтобъ достигнуть своихъ видовъ. Что касается до Аспазіи, то получивъ еще большее отвращеніе отъ сего стараго волокиты, да и вообще весьма наскучивъ почтительными со всѣхъ сторонъ предложеніями, она

чисто-

чистосердечно желала, какъ возможно скорѣе оставить Лондонъ. Она думала, что въ продолженіе лѣта кончится ея дѣло; и тогда можетъ она избрать мѣсто для своего уединенія, и даже поселиться въ немъ, не бывъ обязана возвращаться въ сей городъ.

Правда, что она лишилась бы обхожденія съ Милордомъ Дервилемъ; но сіе было необходимо. Она бы избавилась по крайней мѣрѣ безпрестанныхъ докукъ отъ своихъ обожателей.

Конецъ I Части.

